

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**А. Е. Шаститко, А. А. Курдин
О. А. Маркова, А. И. Мелешкина
А. А. Моросанова, Н. С. Павлова
А. А. Шпакова**

Конкуренция и конкурентная ПОЛИТИКА

*На стыке будущего
и прошлого*

| Издательский дом ДЕЛО |

Москва | 2019

УДК 33
ББК 65.012
Ш27

*Авторский коллектив
Центр исследований конкуренции и экономического регулирования,
ИПЭИ РАНХиГС:*

*Шаститко А.Е., д-р экон. наук, проф. директор научно-исследовательского центра; Курдин А.А., канд. экон. наук, старший научный сотрудник;
Маркова О.А., младший научный сотрудник; Мелешкина А.И., научный сотрудник; Моросанова А.А., научный сотрудник; Павлова Н.С., канд. экон. наук, старший научный сотрудник, зам. директора центра;
Шпакова А.А., младший научный сотрудник*

Шаститко, А. Е. и др.

Ш27 Конкуренция и конкурентная политика: на стыке будущего и прошлого / А. Е. Шаститко, А. А. Курдин, О. А. Маркова, А. И. Мелешкина, А. А. Моросанова, Н. С. Павлова, А. А. Шпакова. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. — 68 с. — (Научные доклады: экономика).

ISBN 978-5-7749-1433-3

В докладе рассмотрены четыре актуальных направления конкурентной политики, связанных как с новыми явлениями, так и с традиционными сюжетами антитраста. 1) Цифровая трансформация ведет к возникновению новых стратегий бизнеса, однако возникают новые источники рисков ограничения конкуренции: алгоритмическое ценообразование, большие данные, многосторонние рынки, платформы. 2) Импорт технологий и политические санкции могут снизить эффективность применения антимонопольного иммунитета для обладателей исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (РИД). Необходим поэтапный переход к новому режиму антимонопольной политики в сфере обращения РИД. 3) Развитие наднационального антитраста способствует использованию взаимодополняющих возможностей антимонопольных органов разных стран. Барьерами для наднационального антитраста выступают разнородность государств-участников и недостаточная устойчивость наднациональных антимонопольных органов. 4) Проблема двусторонней монополии не теряет актуальности. Высокие транзакционные издержки и отрицательные внешние эффекты от недостижения сторонами договоренности — основание для государственного вмешательства с использованием сравнительных преимуществ антимонопольного органа.

УДК 33
ББК 65.012

ISBN 978-5-7749-1433-3

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2019

Оглавление

Введение	5
1. Конкуренция и конкурентная политика в условиях цифровой трансформации	7
1.1. Постановка проблемы	7
1.2. Расширение возможностей для конкуренции в разрезе отдельных отраслей	11
1.3. Новые источники ограничения конкуренции	18
1.4. «Негостеприимная традиция» в антитрасте: необходимо ли переосмысление	27
1.5. Теоретические основы антитета в цифровой экономике: вопросы для обсуждения	30
2. Двусторонняя монополия: почему проблема важна для России и при чем здесь антитраст?	32
2.1. Постановка проблемы	32
2.2. Двусторонняя монополия в российской антимонопольной практике 2015-2017 годов: три примера	34
2.3. Двусторонняя монополия в экономической теории	37
2.4. Роль антимонопольных органов в двусторонней монополии: вопросы для обсуждения	41
3. Защита интеллектуальной собственности и конкуренции: от перпендикулярности к сонаправленности	43
3.1. Источники противоречий	43
3.2. В поисках правового компромисса	45
3.3. Антитраст против защиты правообладателей: вопросы для обсуждения	51

4. Защита конкуренции в контексте становления наднационального антитраста на трансграничных рынках ЕАЭС	54
4.1. Предпосылки развития наднационального антитраста . . .	54
4.2. Выработка наднационального антитраста в ЕАЭС: первые трудности	57
4.3. Наднациональный антитраст против суверенной конкурентной политики: вопросы для обсуждения	59
Заключение	63
Список литературы	66

Введение

Проблематика конкуренции и конкурентной политики достаточно широка и разнообразна, трудно выбрать для предметного обсуждения все основные сферы и инструменты, не оставив за пределами внимания значительную часть важных вопросов. Более того, даже если отталкиваться от таких критериев, как наличие публичной дискуссии в СМИ или в академической литературе, то набор тем по-прежнему будет не только широк, но и разнороден. Однако в вопросах развития и защиты конкуренции есть тема, которая важна всегда, но в современных условиях приобретает особое звучание: как перемешивается прошлое и будущее в построении приоритетов конкурентной политики в России. Столкновение будущего и прошлого в настоящем позволяет объединить в обсуждении такие разные, но важные для понимания современного состояния и перспектив развития конкуренции темы, как:

- конкуренция и конкурентная политика в условиях цифровой трансформации;
- защита интеллектуальной собственности и конкуренции;

- вызовы для антитраста из прошлого: варианты применения антимонопольного законодательства в условиях двусторонних монополий (на рынках с двусторонними издержками переключения);
- проблемы защиты конкуренции в контексте становления наднационального антитраста.

Цифровая трансформация предполагает не только появление новых видов бизнеса, но и радикальную трансформацию традиционных сфер. И то и другое тесно связано как с новыми возможностями, так и с ограничениями конкуренции и, соответственно, вызовами для конкурентной политики. Благотворная для общества конкуренция невозможна без нововведений, но значительная часть нововведений проблематична без создания результатов интеллектуальной деятельности, защищенных правами собственности. В таком случае, почему и при каких условиях стоит защищать конкуренцию от интеллектуальной собственности? В чем специфика современного состояния в данном вопросе в России?

Трансформация экономики в форме приватизации по частям единых территориально-производственных комплексов привела к созданию множества ситуаций, близких по характеристикам к двусторонним монополиям. Стоит ли возникающие споры разрешать с помощью антимонопольных органов? И если да, то какие варианты доступны регулятору? Формирование интеграционных экономических объединений направлено на создание более широких рынков и, соответственно, потенциально ведет к более широким возможностям. Но одновременно становление наднационального антитраста — источник проблем, обусловленных неразрывной связью прошлого и будущего, и также вызовов как для участников рынка, так и для регуляторов.

1. Конкуренция и конкурентная политика в условиях цифровой трансформации

1.1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Изменение в технологиях не нейтрально по отношению к конкуренции, но, скорее, амбивалентно. За счет цифровизации можно получить дополнительные возможности ограничения конкуренции, а можно развивать ее. Например, в международном роуминге у телефонной связи есть реальная конкуренция со стороны мессенджеров — налицо эффект усиления конкуренции различных форм коммуникации в результате цифровизации. Благодаря платформам типа Amazon огромное количество производителей получили возможность расширить сбыт своего товара, а потребители — получить лучший доступ к товарам таких производителей. Агрегаторы услуг такси позволили увеличить загрузку машин, сократить время их простоя и снизить цены для потребителей.

С другой стороны, в результате цифровизации появились такие явления, как алгоритмическое ценообразование, когда компании используют компьютерные программы для установления цен. Эти программы, действуя по заранее заданному набору правил, могут облегчать поддержа-

ние сговора. Но особую опасность представляют в будущем программы с элементами искусственного интеллекта. Если сами руководители компаний «в прокуренной комнате» договариваются со своими конкурентами, то они понимают, что совершают серьезное правонарушение. Но если они кому-то заказывают разработку программы и программа начинает отслеживать рынок, то по формальным признакам сговора может не происходить — хотя программа, ориентируясь на цены партнеров, вполне может имитировать поведение, которое подпадает по последствиям под характеристики согласованных действий или сговора.

Последние громкие дела в сфере антитраста в мире также затрагивают цифровую сферу. Так, Европейская комиссия в 2017 г. назначила рекордный штраф по делу против Google и продолжает вести еще два расследования против данной компании. Серьезные академические дискуссии вызвала недавняя (2018 г.) попытка Министерства юстиции США выдать структурное предписание¹ по сделке слияния между компаниями AT&T, владеющей провайдером цифрового телевидения DirecTV, и Time Warner. В России также важными событиями последних лет стало дело против Google, возбужденное по заявлению компании «Яндекс», и дело против Microsoft, инициированное «Лабораторией Касперского», а наиболее обсуждаемыми сделками — соглашение между «Яндекс.Такси» и Uber, а также приобретение компанией Bayer контроля над Monsanto, в рамках которой часть ключевых активов тесно связана с цифровым земледелием.

Существенное значение имеет и более широкий контекст происходящих в связи с цифровой трансформацией изменений. Здесь уместно обратиться к эффекту Ванека–Райнерта, согласно которому «искусственно введенная свободная торговля сразу уничтожает самые развитые экономические секторы самых неразвитых торгующих стран» [1]. В настоя-

¹ Структурное предписание в рамках антимонопольного контроля сделок экономической концентрации — требование антимонопольного органа к участникам слияния продать часть активов в целях сохранения конкуренции на соответствующих рынках.

щее время крупнейшие компании в цифровой сфере в большинстве своем базируются в развитых странах, и в первую очередь в США (за исключением китайских цифровых компаний). В условиях стирающихся географических границ рынков конкурентная политика, направленная на усиление конкуренции международных игроков и национальных компаний в цифровой сфере с помощью традиционных инструментов снижения барьеров доступа на рынки и выравнивания «правил игры» для пока еще не равных в своем развитии зарубежных и внутренних компаний, может приводить к схожему эффекту. Цифровые компании из развитых стран будут вытеснять национальные компании с рынков развивающихся стран и таким образом приводить к «вымыванию» целых отраслей национальной промышленности. Следствием подобной недальновидной конкурентной политики, согласно концепции Райнерта, может стать определенная примитивизация экономики страны: схлопывание отраслей с наибольшей добавленной стоимостью и возрастающей отдачей от масштабов производства (куда на сегодняшний день можно отнести и цифровую сферу) и переключение на развитие более «простых» видов деятельности, вплоть до торговли исключительно ресурсами.

В связи с появлением как новых возможностей, так и новых угроз для конкуренции, антимонопольные органы и эксперты разных стран активно обсуждают, насколько имеющиеся методы антимонопольной политики способны справиться с новыми вызовами: *требуется ли существенная корректировка устоявшихся подходов (если да, то на базе каких принципов и теорий) или возникающие в связи с цифровизацией угрозы лишь кажутся чем-то новым, а на самом деле им можно успешно противостоять и с помощью традиционного инструментария антитраста.*

Важным признаком актуальности данной темы, а также свидетельством отсутствия консенсусных подходов является выпущенный в 2018 г. доклад ОЭСР «Rethinking Antitrust Tools for Multi-Sided Platforms», посвященный проблемам антимонопольного регулирования многосторонних платформ,

чрезвычайно распространенных в цифровой сфере. Анти-монопольные органы разных стран по-разному реагируют на новые вызовы. В ряде стран внесены или готовятся к внесению изменения в антимонопольное законодательство. Так, например, в Германии уже приняты изменения, уточнившие понятия товарного рынка и доминирующего положения.

ФАС России также подготовила пакет поправок в законодательство, известный как «пятый антимонопольный пакет», центральная тема которого — подстройка норм для работы с нарушениями в цифровой сфере. Одной из задач данного доклада является осмысление предлагаемых изменений. Однако цель доклада и, соответственно, основная идея значительно шире:

Цифровая трансформация потребует системного пересмотра представлений о путях защиты и создания условий конкуренции на товарных рынках ввиду значительного ускорения темпов технологических изменений и массового появления форм организационных соглашений, к которым пока не выработано последовательного и стандартного отношения со стороны антимонопольных органов.

В рамках исследования влияния цифровой трансформации на конкуренцию и конкурентную политику выдвигаются следующие гипотезы:

Гипотеза 1.1. *Цифровая трансформация (ЦТ) создает как новые возможности для конкуренции в традиционных и новых сферах экономики, так и новые источники и способы ее ограничения. [Является ли баланс положительным и поддается ли он корректировке в лучшую сторону?]*

Гипотеза 1.2. *Общая структура конкурентной политики в условиях ЦТ сохранится, но наполнение отдельных ее направлений и взаимосвязей претерпит существенные изменения.*

Гипотеза 1.3. *Для обеспечения лучшего баланса ошибок I и II рода в правоприменении ЦТ потребует системного подхода к экономическому анализу механизмов управления трансакциями в целях предупреждения воспроизводства «негостеприимной традиции» в антитрасте.*

Гипотеза 1.4. *Один из ключевых вызовов для антитраста в эпоху ЦТ — временная специфичность применяемых мер в условиях быстрой модификации отношений, которая потребует новых институциональных технологий в сфере защиты конкуренции.*

Гипотеза 1.5. *В рамках ЦТ и в контексте развития поведенческой экономики формирование доказательной базы в части ограничения конкуренции будет основываться на выявлении когнитивных ошибок участников рынка.*

Учитывая неоднозначное влияние распространения цифровых технологий на конкуренцию, необходимо установить, какие именно возможности для развития конкуренции и для ее ограничения создает цифровизация. Данный вопрос логично обсуждать в контексте соотношения конкурентной и антимонопольной политики [2]. Их различие можно свести к тому, что конкурентная политика — более широкое понятие, включающая не только антимонопольную политику, являющуюся защитной по своему характеру, но и активную политику по продвижению конкуренции, в том числе путем реформирования отраслей естественных монополий, создания новых рынков и т. д. Поэтому в дальнейшем мы будем говорить как о новых формах конкуренции и способах ее развития, так и о новых угрозах для конкуренции.

1.2. РАСШИРЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ КОНКУРЕНЦИИ В РАЗРЕЗЕ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ

Проникновение цифровых технологий приводит как к появлению и развитию новых видов бизнеса, так и к изменениям условий конкуренции на уже существующих товарных рынках. Если рассматривать рынки, существовавшие и до возникновения цифровых технологий (производство, торговлю, сферу услуг и т. д., но мы остановимся в качестве примера на транспортной сфере), то можно выделить три направления влияния цифровизации:

1. Технические новшества, непосредственно качественно улучшающие производство товаров или предоставление основных услуг. Например, в транспортной сфере это выражается в увеличении скорости передвижения, автоматизации в управлении, роботизации обслуживания в депо, в возможности консолидации физической инфраструктуры и в улучшении распределения и группирования грузов.
2. Качественные сдвиги в уровне обслуживания и предоставлении дополнительных функций. Чаще всего это связывают с онлайн-сервисами, доступными для клиентов. В транспортной сфере потребитель может получить информацию о тарифах и маршрутах, информацию по статусу и сроку доставки своего груза, а также купить онлайн билет, оформить страховку и таможенные платежи.
3. Прозрачность системы функционирования, упрощение предоставления отчетности и внутренней схемы управления влияет на улучшение понимания и принятия решений со стороны регулирующих органов. Это может положительно сказаться на конкурентной среде и несколько смягчить проблему «негостеприимной традиции» в анти-трасте¹ за счет снижения асимметрии информации, лучшего доступа к отчетным данным. Отдельными вопросами являются проблемы принятия отраслевых стандартов, которые могут возникнуть в разрезе различных цифровых технологий, и новых ограничений конкуренции.

Первое направление дает компаниям-хедлайнерам конкурентное преимущество, выражающееся во внутренних факторах: снижение издержек, упрощение ведения бизнеса и снижение трудозатрат, улучшение безопасности и надежности и пр. Так, например, авиакомпании, успешно внедрившие внутренние цифровые сервисы для оказания услуг грузовых перевозок, демонстрируют более позитивные фи-

¹ Практика, в соответствии с которой многие формы экономической организации признавались антиконкурентными и потому нежелательными, в том числе на основании отсутствия «проконкурентных» объяснений в теории, которая в явном виде или по умолчанию использовалась в качестве инструмента объяснения.

нансовые результаты благодаря снижению производственных издержек в силу автоматизации бизнес-процессов и росту числа клиентов [3].

Роботизация, сенсорика, беспроводная связь и искусственный интеллект могут повысить показатели безопасности, сохранности пассажиров и грузов, улучшить логистику и повлиять на срочность и частоту отправок, что может выгодно сказаться на межтранспортной конкуренции. Эти факторы могут усилить интермодальную конкуренцию, заставляя сильнее соперничать железнодорожный транспорт не только с автотранспортом, но и с авиатранспортом (повышение скоростных характеристик и безопасности) и даже с трубопроводом (создание беспилотных, автоматических поездов в трубопроводах под землей).

Однако именно второе направление — качественные сдвиги в уровне обслуживания и предоставлении дополнительных функций — на данный момент является основным источником прибыли [4]. Например, в секторе грузоперевозок дополнительными являются такие услуги, как: таможенное оформление, складирование и упаковка, которые выходят за рамки «чистой» транспортировки. Также онлайн-сервисы дают возможность удовлетворять напрямую запросы небольших компаний с малыми объемами перевозок. Например, компании-хедлайнеры, имеющие ресурсы для внедрения и развития системы электронного документооборота (не только внутриорганизационного, но и внешнего, между компаниями) получают максимальную отдачу от нововведения в силу повышения эффективности бизнес-процессов и, следовательно, значительного притока клиентов.

Нельзя недооценивать возможных новых участников рынка из-за цифровизации. Для транспортной сферы таковыми могут быть:

- компании, занимающиеся передвижением пассажиров и грузов в подземных поездах в трубопроводах, проекта Hyperloop [5] и т. д., которые могут значительно сместить акценты в отрасли и даже почти полностью вытеснить при-

вычную нам железную дорогу в том виде, которая есть сейчас. Однако для таких игроков необходима совершенно новая инфраструктура (трубопроводные магистрали), что на сегодняшний день ограничивает их конкурентоспособность;

- компании-агрегаторы, которые не имеют собственного парка транспорта, но способны привлечь пользователей за счет экономии на транзакционных издержках;
- большие торговые компании, которые в силу эффекта масштаба и экономии на разнообразии могут взять под контроль разные способы доставки. Так, порталы Alibaba и Amazon осуществляют контроль не только своего бизнеса, но и своих партнеров, а также косвенно влияют на компании, с которыми не имеют прямых контрактов. Отсутствие действенных методов контроля данных площадок силами партнеров и конкурентов создает неопределенность в отношении того, как эти гиганты будут использовать свою власть. Снижение транзакционных издержек прежде всего возможно для крупных компаний, которые имеют значительный инвестиционный потенциал, что означает усиление барьеров входа на рынок. Однако по мнению экспертов, в будущем преимущества консолидации перевозчиков и эффекты масштаба и разнообразия будут менее актуальны для электронной коммерции [4].

Безусловно, от цифровой трансформации выигрывают потребители сервисов перевозок. Открытость информации, возможность сравнения цен, снижение издержек поиска, возможность оформления онлайн, разнообразие дополнительных услуг положительно влияет на потребительский излишек. Важно подметить, что помимо самой перевозки/переезда потребители становятся более лояльными к дополнительным услугам, что может формировать имидж компании, давая большое конкурентное преимущество, если еще учесть и тот факт, что рынок перевозок достаточно сегментирован. Интересно разноплановое влияние цифровизации в сфере пассажирских перевозок. Если в долгих переездах на дальние расстояния (автотранспортом, железнодорожным

или авиатранспортом) пассажиры ценят комфорт и дополнительные сервисы, то в коротких перелетах, наоборот, на первый план выходят стоимостные характеристики. Упрощение взаимодействия с клиентом через мобильные приложения позволяет удовлетворить его потребности и устранить избыточные опции, на которые пассажиры не предъявляют спрос, что сокращает издержки и снижает стоимость авиабилета. В результате повышается привлекательность перевозчика для потребителей и укрепляются позиции компании на рынке услуг пассажирских авиаперевозок.

Процесс цифровизации затрагивает также и стратегии ценообразования, так как имеющиеся технологии позволяют анализировать, корректировать и прогнозировать ценовую политику компании-перевозчика практически автономно. Возникает серьезное опасение о возникновении дополнительных возможностей по ценовой дискриминации, которая может негативно отразиться на потребительском излишке. Однако здесь имеется ряд особенностей:

1. Существенное конкурентное давление со стороны конкурентов-перевозчиков и, что более важно, компаний-агрегаторов. Именно популярность интернет-агрегаторов в 2010-х гг. подтолкнула авиакомпании к модернизации собственных сайтов и сделала более выгодной для клиента покупку билетов без посредников.
2. Потребительское поведение при выборе авиаперевозчика характеризуется пробелом в знаниях, поскольку авиалинии являются лишь звеном в цепочке путешествий. Такие компании, как Google, Facebook, Apple, Microsoft и Amazon, являются частью повседневной жизни клиентов. Данные платформы могут использовать аналитику, чтобы узнать о планах зарегистрированных на сайте пользователей отправиться в путешествие задолго до того, как авиакомпании узнают об этом. Рост числа туристических ресурсов является еще одним барьером для авиакомпаний в свете решения задачи по привлечению клиентов. Туристические фирмы конкурируют с авиакомпаниями за некоторую часть прибыли, складывающуюся из продаж дополнитель-

- ных услуг. Это заставляет авиакомпании интегрироваться с уже известными платформами или разрабатывать свою.
3. Алгоритмы, используемые для продажи билетов и назначения цен, могут создать иллюзию сговора между авиакомпаниями, так как, скорее всего, будут руководствоваться схожими принципами корректировки цен. Здесь имеет место проблема «черного ящика», когда стороннему наблюдателю совершенно неясны внутренние процессы, и даже более того, сама транспортная компания может также не быть в полной мере посвящена в некоторые нюансы ценообразования. Вот почему регулятору важно создать условия, при которых в случае необходимости могут быть раскрыты вызывающие вопросы алгоритмы. Кроме того, они должны иметь обоснование и объяснение. С другой стороны, возможно, наличие человеческого фактора в разработке и применении ценовой стратегии может играть более негативную роль для потребителей, чем его отсутствие и полная автоматизация.

Перевозчики вынуждены оценивать уровень удовлетворенности клиента не только во время перелета, а начиная с процессов бронирования, покупки билета и заканчивая получением багажа в аэропорту назначения. Каждый этап путешествия имеет значение — компании отслеживают удовлетворенность клиента и услугами перевозчика, и тем, насколько эффективно компания взаимодействует с партнерами (в том числе и с интернет-платформами бронирования), поскольку клиенты воспринимают услуги поиска, бронирования и покупки билета, страховки, а также предоставление специальных возможностей выбора места в самолете и вида питания в качестве составляющей своего путешествия. Перевозчик больше не может скрыть факт инцидента: фотографии и видеоролики размещаются на сайтах Facebook и Twitter усилиями пользователей практически в момент события. Таким образом, лояльность клиентов поддерживается не только усилиями компании, но и действиями самих клиентов.

С приходом новых технологий возникли целые новые направления экономической деятельности. В частности,

цифровизация становится невозможной без электронного документооборота (ЭДО) как внутреннего, так и межкорпоративного. Можно выделить следующие основные тенденции развития рынка систем электронного документооборота и услуг по межкорпоративному обмену юридически значимыми электронными документами:

1. Увеличивается потенциальный спрос на данные услуги среди всех категорий компаний, которые могут подключиться к использованию ЭДО посредством облачных решений, становящихся новым технологическим трендом и не требующих значительных инвестиций, в которых малый бизнес как раз и ограничен.
2. Курс на импортозамещение и ограничения на закупки иностранного программного обеспечения для государственных органов, а также такие экономические факторы, как рост курса доллара и евро, приводят к перераспределению интересов заказчиков с иностранных предложений на отечественные либо на программное обеспечение, основанное на открытом коде [6].
3. Распространение технологии распределенного реестра. Технология блокчейн пока относится к разряду экспериментальных, но в будущем значительная доля именно межкорпоративного ЭДО может быть организована на технологии блокчейн, что при этом требует рассмотрения вопросов его правового регулирования и возможных рисков его использования в противоправных целях.

Услуги по обеспечению электронного обмена документами являются таким же самостоятельным видом бизнеса, как вендоры антивирусного программного обеспечения или провайдеры интернета и т. п., а значит, требуют специфических инвестиций в свои активы (оборудование, права собственности на программное обеспечение, технологии обмена, квалифицированные специалисты и др.), в связи с чем лишь немногие компании готовы вложить свои инвестиции в создание условий для организации самостоятельного обмена с другими участниками рынка.

Электронный документооборот призван снижать транзакционные издержки обмена, тем самым улучшая условия для конкуренции. Вместе с тем в условиях несовместимости стандартов обмена документами это происходит далеко не всегда в полной мере и, напротив, порождает новые издержки, распределительные и координационные эффекты для участников договорных отношений.

Различие стандартов создания и передачи документов у разных операторов ЭДО оказывает сильное влияние на конечных пользователей услугами, которые несут дополнительные издержки и в крайнем случае могут даже отказаться от документооборота в электронной форме, что никак не способствует распространению межкорпоративного ЭДО, а также напрямую сказывается на иных аспектах экономической деятельности, в том числе и на условиях конкуренции.

1.3. Новые источники ограничения конкуренции

Помимо возможностей для развития конкуренции, цифровизация порождает и специфические источники ограничения конкуренции. Наиболее важными среди них являются алгоритмическое ценообразование, использование больших данных и поведение фирм (в том числе платформ) на многосторонних рынках. Данные вопросы нашли отражение в «пятом антимонопольном пакете» и далее будут обсуждаться в его контексте.

1.3.1. Алгоритмическое ценообразование

В пятом антимонопольном пакете ценовой алгоритм определен как программное обеспечение, доступ к которому обеспечивается путем его установки на электронные вычислительные машины пользователя или посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», предназначенное в соответствии с заданными параметрами для мониторинга цен на товарном рынке, для расчета, установ-

ления и (или) контроля цен на товары либо совершения действий при участии в торгах.

По сути, эта технология помогает выработать и реализовать принятые решения. Она может использоваться в картельном сговоре и, как показывают некоторые исследования, влечет изменения в противодействии антиконкурентным практикам.

Рассмотрим два типа ситуаций [7].

1. «Мессенджер». Руководители компаний, которые вместо того, чтобы периодически встречаться в «прокуренных комнатах», могут использовать цифровые технологии, чтобы опосредованно воздействовать на цены, в том числе обеспечивая контроль за поведением партнеров по картелю. Применение эмоционально нейтральной технологии может вызвать эффект удаленности (опосредованности), поскольку у участников картеля нет ощущения, что они наносят прямой вред. Снижается психологический барьер, который обычно мешает совершить противоправные действия, например вместе с другими картелистами «на расстоянии вытянутой руки». В этой ситуации виновность руководителей несомненна. В результате для руководителя компании выбор между выгодой (и связанного с ним искушения) от ограничения конкуренции и тем самым нарушения антимонопольного законодательства с одной стороны и представления о добропорядочности в деловом обороте — с другой не выглядит таким уж драконовским.
2. «Спицы-ступицы». С точки зрения определения степени виновности вторая ситуация сложнее. Использование единого ценового алгоритма участниками рынка, даже если они изначально и не предполагали никакого сговора или согласованных действий, может привести к результатам, напоминающим результаты действующего картеля. Возникает практический вопрос: разрешать ли компаниям использовать единственную платформу для анализа, обработки данных и установления в автоматическом режиме цены на товары (их могут быть тысячи или даже десятки тысяч)?

В докладе ОЭСР «Algorithms and Collusion: Competition Policy in the Digital Age» (2017) предлагается выделять несколько групп алгоритмов с точки зрения воздействия на факторы, облегчающие сговор [8].

Алгоритмы мониторинга облегчают поддержание сговора, снижая издержки на выявление отклонений от картельной стратегии и санкции для отклонившихся. Сговор традиционно считается тем менее устойчивым, чем «дороже» обходится выявление нарушителя договоренности, чем дольше он является и чем затратнее для других участников картеля прибегать к стратегии наказания. Алгоритмы, которые позволяют отслеживать цены конкурентов практически в реальном времени, делают легко- и быстродоступными сведения о том, что кто-то из членов картеля отклонился от договоренности. Более того, в таком алгоритме может быть «защита» реакция на отклонение: например, мгновенный переход к ценовой войне (стратегия «дрожащей руки на спусковом крючке»). Таким образом, алгоритмы мониторинга существенно удешевляют механизм поддержания сговора, тем самым укрепляя его.

Алгоритмы ценообразования. Прежде чем понадобится мониторинг исполнения сговора, компании должны договориться о ценах, квотах или разделе рынка. На рынках с быстро меняющимися условиями договоренности могут требовать частого пересмотра. Для компаний это оборачивается дополнительными издержками и обменом информацией, которые повышают вероятность, что антимонопольный орган обнаружит картель. Алгоритмы, рассчитывающие цену с учетом цен конкурентов (например, установленных лидером рынка) и иных факторов ценообразования, снимают эту проблему, поскольку позволяют ценам гибко и быстро реагировать на изменения, не требуя дополнительной коммуникации. Они значительно облегчают параллельное изменение цен на рынках, и с их помощью автономная адаптация к изменениям в многомерной задаче может быть трансформирована в коллективную.

Алгоритмы сигнализирования. В случаях неявного сговора большую роль играют сигналы, оповещающие о намерении той или иной компании повысить цены. Если другие участники поддержат повышение, на рынке установится равновесие, соответствующее сговору. Благодаря алгоритмам такие сигналы быстро «улавливаются». Возможно также, что алгоритм содержит автоматическую схему реакции на такие сигналы. В результате создаются «фокальные точки» для участников неявного сговора.

Самообучающиеся алгоритмы. Проблема этих алгоритмов с позиции антимонопольного регулирования в том, что изначально в них может не закладываться возможность связанных со сговором стратегий, но по мере действия подобный алгоритм в процессе обучения способен «самостоятельно» прийти к сговору как наиболее прибыльной стратегии. В этом смысле неясно, должны ли, например, менеджеры нести ответственность за решения о ценах, учитывая, что стратегия ценообразования была «разработана» самим алгоритмом.

Проблема становится еще острее в случае алгоритма *deep learning*, который функционирует как своеобразный «черный ящик», быстро обрабатывая большие массивы данных и выдавая оптимальное решение. Этот алгоритм также может приводить к установлению на рынке равновесия, соответствующего сговору. Но при этом непонятно, следует ли считать такой результат реализацией чьих-то намерений — менеджеров компании-поставщика (или сотрудников компании, разрабатывавших алгоритм), поскольку никто из них намеренно не применял и не обеспечивал применение стратегии сговора. Традиционные инструменты антитраста не позволят выявить эту категорию алгоритмов и, следовательно, сговор. В связи с этим, по-видимому, нужны новые концептуальные решения.

Какие варианты антимонопольного регулирования могут противодействовать сговору, который становится возможным благодаря алгоритмам?

Первый и самый жесткий — отказ от применения алгоритмов из-за высоких рисков нарушения антимонопольного

законодательства и убытков для потребителей. Но это автоматически означает отказ от всех преимуществ, связанных с применением алгоритмов: более точные оценки потребительского спроса и возможность быстро реагировать на его изменения, оперативная реакция на изменения других внешних факторов, существенная экономия на транзакционных издержках принятия решений и др.

Второй — запрет на включение в алгоритмы стратегий, которые могут приводить к сговору. Наибольшую проблему здесь представляют самообучающиеся алгоритмы.

Третий — отсутствие специальных запретов в области применения алгоритмов и использование традиционных инструментов антитраста для выявления сговора в его стандартном понимании, но в новых условиях рынков.

Для первых трех алгоритмов уже накоплен опыт применения традиционных подходов антитраста. Для остальных случаев есть смысл принять, что точно так же, как сейчас, компании не могут быть подвергнуты санкциям, если на рынке не было сговора или согласованных действий, какими бы ни были сложившиеся цены, количество и нормы прибыли. Применение алгоритмов способно приводить к повышению прибыли в ущерб потребителям, но без явных договоренностей или сигналов действия компаний следует признавать законными (например, в случае самообучающихся алгоритмов). Такой подход целесообразен, если мы оцениваем выгоды от применения алгоритмов как более высокие по сравнению с возможными потерями от ограничения конкуренции.

Остается решить вопрос, как выбрать между вариантами регулирования (или разработать новые варианты) применительно к разным категориям алгоритмов, исходя из ожидаемых эффектов.

1.3.2. Большие данные

Говоря о способности алгоритмов оптимизировать процессы ценообразования и повысить благосостояние продав-

цов и покупателей, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом об источниках и методах использования данных.

В современном мире нельзя принять обдуманное решение, не обработав большие массивы данных. При этом статистические компании никогда их не собирали и, скорее всего, не будут в обозримой перспективе. Более того, эти данные — за некоторыми исключениями — вряд ли удастся получить методом опросов. В частности, речь идет о данных, характеризующих поведенческий профиль того или иного потребителя. Такая информация позволяет выстраивать систему адресных сообщений (включая рекламные), влияя на его поведение.

Например, Amazon может подстраивать предложения под профиль спроса каждого конкретного потребителя, установленный на основании данных о нем и его истории покупок. Благодаря этому компания реализует стратегии ценовой дискриминации, которые могут быть выгодны в том числе и потребителям, однако вызывают опасения антимонопольных органов. Большое внимание привлекли случаи, когда потребители замечали разницу в ценах на одни и те же товары в зависимости от того, в какое время дня ты пытаешься купить их на платформе Amazon [9]. Пользователи Яндекс.Такси обнаружили, что стоимость одной и той же поездки, заказанной в одно и то же время, может существенно различаться в зависимости от наличия на телефоне установленного приложения конкурирующего сервиса такси — Gett [10] (ФАС России, проверив данные сведения, не обнаружила признаков нарушений). В ответ на такие манипуляции сегодня многие потребители намеренно корректируют свое поведение в интернете, чтобы помешать компаниям воспользоваться реальными данными о них и «подогнать» ценовые предложения [9].

В контексте антимонопольного регулирования данная практика может быть отнесена к ценовой дискриминации. Хотя в некоторых случаях ее последствия могут быть благоприятны для общественного благосостояния, злоупотребление доминированием через назначение разных цен на один и тот же товар способно приводить к существенному огра-

ничению конкуренции, а также к снижению благосостояния потребителей. Однако назначение разных цен может быть и оправданным — если обслуживание разных покупателей сопряжено с разными издержками или рисками. В связи с этим, для антимонопольного органа возникает несколько вопросов.

1. Как обнаружить факт ценовой дискриминации?

Потребителю, чтобы обнаружить ценовую дискриминацию, необходимо иметь данные о ценах, предлагаемых какому-то другому потребителю с иным покупательским поведением, что зачастую не является доступной информацией или ее получение сопряжено с транзакционными издержками. Учитывая, что каждый потребитель уникален по сочетанию характеристик, которые являются основанием для назначения ему цены (например, по истории поиска), как должен антимонопольный орган выявлять сам факт назначения разных цен?

2. Как оценить эффекты от ценовой дискриминации?

Хотя цена на товар может различаться, практика отслеживания покупательского поведения в интернете также позволяет предлагать наиболее низкие цены — и рекомендовать более дешевые товары в системе рекомендаций — покупателям с низкими бюджетами. Что касается покупателей, совершающих более дорогие покупки, то и здесь не ясно, насколько существенным оказывается для них отрицательный эффект, поскольку они могут с достаточно низкими издержками находить и сравнивать другие ценовые предложения на разных платформах.

Однако здесь предполагается, что имеются другие каналы покупки товара — например, через непосредственные сайты производителей, а не агрегирующие платформы, или же физические магазины. Таким образом, мы выходим на вопрос особенностей доминирования на цифровых рынках: в каких случаях мы можем считать, что субъект (например, платформа) доминирует, и каковы источники этого доминирования. Доминирование поставщика, например, может быть связано с экономией когнитивных издержек (нежелания нести

даже малые краткосрочные издержки для того, чтобы переключиться на другого поставщика, даже если это в будущем позволит сэкономить на покупках). В этом случае не вполне очевидно, что право такого ограниченно рационального потребителя покупать по низкой цене у изначально выбранного поставщика следует защищать, поскольку регуляторное вмешательство снизит стимулы к обучению и преодолению тех минимальных издержек переключения, которые мешают ему перейти на услуги другого продавца. Доминирование может быть следствием сетевых эффектов, причем как прямых, так и перекрестных. В этом случае помимо рисков ограничения конкуренции от монополизации возникают и положительные последствия в результате интернализации внешних эффектов. Наконец, наиболее остро стоящий вопрос для антимонопольного регулирования в этой части, в связи с которым иницируются изменения в антимонопольном законодательстве, как доступ к данным может быть источником доминирования. Во-первых, по мере совершенствования технологий сбора и обработки «больших данных» для конечного потребителя могут возникать риски дискриминационных практик при покупке им услуг в зависимости от определенных характеристик/опыта пользования услугами конкурентов. Во-вторых, сам доступ к «большим данным» на многих современных рынках может становиться настолько важным для конкуренции, как доступ к критической инфраструктуре в отраслях с естественно монопольным компонентом. Точность и правомерность такого сравнения может обсуждаться, однако оно подчеркивает с одной стороны важность доступа к данным для конкурентоспособности бизнеса в различных сферах, а с другой стороны возможные негативные последствия от неравного доступа к данным.

1.3.3. Многосторонние рынки и платформы

Цифровизация экономики сопровождается широким распространением многосторонних рынков и платформ.

Не останавливаясь подробно на вопросах определения многосторонних рынков и платформ, хотя по ним существуют различные позиции [11], отметим, что не только источники доминирования платформ, о которых сказано выше, но само определение границ многосторонних рынков, а также квалификация поведения их участников вызывают существенные споры и разногласия в среде экспертов и практиков антимонопольного регулирования.

Попытки определения границ многосторонних рынков сталкиваются с несколькими проблемами. Во-первых, такие рынки подразумевают, что возникают разные группы покупателей на разных сторонах такого рынка, предъявляющих квазиспрос на услуги платформы для совершения транзакции между собой. Квазиспрос на обеих сторонах существенно взаимосвязан за счет наличия перекрестных сетевых эффектов. Но при этом обе стороны заинтересованы в услугах платформы лишь постольку, поскольку она позволяет им совершить транзакцию по покупке/продаже какого-либо товара или услуги. В связи с этим определение границ рынка становится чрезвычайно затруднено из-за невозможности «отвязать» услуги платформы одной стороне от услуг другой стороне (и зачастую и от непосредственно товара и услуги, по поводу которых и совершают свою принципиальную сделку стороны). Раздельное рассмотрение сторон многосторонних рынков в качестве самостоятельных единиц анализа может приводить к ошибкам правоприменения, поскольку оптимальным способом ценообразования для платформ может выступать субсидирование одной стороны рынка за счет другой стороны, и игнорирование данного аспекта может привести, например, к ошибочному обнаружению признаков монопольно низкой и монопольно высокой цены на данных рынках соответственно.

Второй вопрос связан с ситуацией, когда в рамках такого кросс-субсидирования на одной из сторон рынка устанавливается нулевая цена. Поведенческие исследования показывают, что реакция потребителей на нулевую цену может существенно отличаться от реакции на любую другую, пусть

даже весьма малую цену [12]. Но, помимо этого, нулевая цена делает неприменимым основной метод анализа границ товарного рынка — «тест гипотетического монополиста» — так как он предполагает, что потребители должны сделать предположение о своем поведении в случае, если цена возрастет на 5–10%, что в расчете от нулевой цены также составит ноль.

Наконец, вызов для антитраста составляет и само поведение платформ на многосторонних рынках, поскольку

- возникновение или усиление доминирующего положения платформы может быть связано с повышением эффективности за счет сетевых эффектов (прямых и перекрестных);
- субсидирование одной стороны платформы за счет другой стороны может на первый взгляд выглядеть как установление монопольно высокой/низкой цены;
- особенно высок риск неправильного обнаружения признаков хищнического ценообразования тогда, когда на одной из сторон рынка устанавливается нулевая цена;
- нулевая цена в денежном выражении не означает, что покупатели ничем не расплачиваются за доступ к товару. Они могут расплачиваться своими данными, своим вниманием, временем и т. д. Однако существующие методы антитраста плохо настроены на работу с данными категориями «затрат».

1.4. «НЕГОСТЕПРИИМНАЯ ТРАДИЦИЯ»

В АНТИТРАСТЕ: НЕОБХОДИМО ЛИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ

С учетом изложенного, существует риск оказаться в плену «негостеприимной традиции» в антитрасте [13]. Смысл этой традиции состоит в том, что явления повседневной коммерческой практики, не укладывающиеся в привычные представления о конкуренции, объявляются подозрительными и квалифицируются в терминах монополистической деятельности. По сути, это означает, что общественно полезные формы экономической организации могут быть если не запрещены, то обременены излишними издержками в виде затрат на административные и судебные разбирательства,

а также штрафных санкций. В случае цифровизации это может выразиться в полном запрете использования ценовых алгоритмов в связи с риском сговора; запрете на назначение цен в зависимости от истории поведения покупателя; в запрете кросс-субсидирования сторон на платформе и др. Фактически речь идет об ошибках I рода как в правоприменении, так и, возможно, в правоустановлении [14]. Учитывая высокий уровень инновационности обсуждаемых отраслей, цена такой ошибки — неоправданность установленного запрета на определенные варианты поведения — может быть довольно высокой и существенно затормозить развитие технологий в целом. Причем такого рода запреты будут во многом не просто следствием того, что полезным практикам будут приписываться антиконкурентные мотивы из-за непонимания сути этих практик, а следствием невозможности осмыслить эти практики на основе той теоретической рамки, которая лежит в основе современного антимонопольного регулирования.

В основе современного антитраста — определенная экономическая парадигма, соответствующая условному «мейн-стриму» в экономической теории. Она представляет определенный подход к интерпретации и потребительского выбора, и благосостояния потребителей, и логики действия фирм на товарных рынках. Однако многие явления в связи с цифровой трансформацией лучше описываются другими направлениями экономической теории: поведенческой экономикой, новой теорией потребления и др. При этом данные направления могут иметь наборы исходных фундаментальных предпосылок, в разной степени отличающихся от неоклассики, но эти несовпадения могут быть источниками логических противоречий при попытках вписать достижения в данных областях в «стройную», теоретически обоснованную систему антитраста.

Один из примеров такого конфликта уже был упомянут и происходит из несовпадения предпосылок неоклассики и поведенческой экономики о рациональности потребителя. Вопрос заключается в том, следует ли считать эксплуатацию

ограниченной рациональности одной из форм злоупотребления рыночной властью и в связи с этим нарушением именно антимонопольного законодательства. Примеры — дела против Google (как в России, так и за рубежом) и Microsoft, где злоупотребление доминированием в конечном итоге было возможно в связи с ограниченным ресурсом внимания потребителей, их склонностью:

- экономить когнитивные издержки и выбирать первые предлагаемые им варианты по результатам поиска;
- пользоваться предустановленными программами и приложениями, даже если другие программы для них бесплатны и более удобны, но всего лишь требуют скачивания;
- реагировать на такие характеристики, как цвет/шрифт/размер сообщений или расположение иконки на экране, и т. д.

Изначальные теоретические обоснования запретов на злоупотребление доминированием не предполагали наличия данных эффектов, а базировались на модели потребителей, которые совершали свой выбор исходя из известных им самим предпочтений, и путем осуществления выбора они тем самым раскрывали свои предпочтения. Данная модель не предполагала потребителей, которые действуют себе во вред, потому что предпочитают краткосрочную экономию минимальных временных издержек долгосрочной экономии на цене покупки. Потребители в этой модели не подвержены эффекту фрейминга или якоря. Следствием конфликта данных моделей могут являться два противоположных эффекта: чрезмерное ужесточение антитраста за счет квалификации эксплуатации когнитивных ошибок как антимонопольного нарушения и чрезмерное смягчение антитраста за счет отказа учитывать эффекты когнитивных ошибок. В первом случае применение аппарата, рассчитанного на защиту благосостояния рациональных потребителей, приведет к «консервации» негативных эффектов от ограниченной рациональности: зная, что антимонопольный орган защищает его право на когнитивную ошибку, потребитель не будет иметь стимулы преодолеть ее. Во втором случае полный отказ от учета

того, что ограниченная рациональность — это не случайное отклонение от полной рациональности, а, наоборот, правило, и полностью искоренить ее проявления невозможно, может приводить к тому, что в расчете на то, что потребитель рано или поздно обучится вести себя рационально, антимонопольный орган будет игнорировать реальные злоупотребления, приводящие к ущербу для потребительского благосостояния.

1.5. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНТИТРАСТА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

С учетом изложенного следует отметить, что цифровая трансформация обострила вопрос взаимосвязи и взаимодействия различных исследовательских программ экономической теории применительно к антимонопольному регулированию. В связи с этим встает вопрос: можем ли мы, находясь в рамках традиционной парадигмы, справиться с вызовами, которые ставит цифровая трансформация?

В случае утвердительного ответа мы переходим на более узкий круг вопросов: действительно ли существующее антимонопольное законодательство не способно справиться с «цифровыми» рынками и нуждается во введении новых понятий и инструментов. Последние дела на рынках с цифровыми технологиями вроде бы свидетельствуют о том, что и с привычным инструментарием удастся успешно проводить расследования и добиваться исполнения санкций. Однако возможно, что после нововведений удастся сократить издержки таких расследований. Проблема заключается в том, что у относительно многих понятий и концепций нет единого понимания и в среде теоретиков, поэтому новые формулировки требуют внимательного обсуждения. В таком случае «умное» (smart) антимонопольное регулирование способно справиться и с новыми вызовами.

Однако если мы предполагаем, что для адекватной оценки возникающих в результате цифровизации эффектов (как по-

ложительных, так и отрицательных) требуется синтез на основе нескольких существующих направлений теории, то мы должны понимать, что на сегодняшний день готовых вариантов синтеза еще не предложено. Создание такой теории носит скорее характер венчура. Но уже сейчас понятно, что основания для такой постановки существуют.

2. Двусторонняя монополия: почему проблема важна для России и при чем здесь антитраст?

2.1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Применение антимонопольного законодательства в ситуациях, когда на рынке существует монополия или монопосония — довольно рутинная практика. Но если они сочетаются — т. е. на рынке одновременно действует только один продавец и только один покупатель — насколько применимы здесь традиционные подходы к анализу, может ли антитраст эффективно справиться с такой проблемой и должен ли вообще антитраст заниматься ситуацией двусторонней монополии? Подобные постановки являются отнюдь не пустыми, если исходить из того, что двусторонняя монополия — это не просто сумма монополии и монопосонии.

Проблема заключается в том, что в экономической теории не существует согласия ни относительно того, как устроены рынки двусторонней монополии, ни того, оправданно ли вмешательство антимонопольного органа в подобные взаимоотношения (несмотря на то что формально такие рынки обладают всеми признаками, которые обеспечивают подпадание под антимонопольное регулирование), ни, наконец,

того, а приспособлен ли инструментарий антимонопольных органов для работы с подобными рынками. При этом считать, что двусторонняя монополия — редко встречающееся явление, ошибочно (и это подчеркивает актуальность теоретического и практического решения поставленных выше вопросов). Во-первых, двусторонняя монополия тесно связана с ситуацией так называемой фундаментальной трансформации — когда отношения конкуренции *ex ante* превращаются в отношения зависимости между немногими участниками отношений *ex post* в силу значительных издержек переключения. В частности, можно упомянуть работу Джоскоу [15], в которой ясно показано, в чем состоит «проклятие антитраста», если пытаться применять нормы антимонопольного законодательства для защиты конкуренции, тогда как по факту они оказываются вмешательством в договорные отношения между покупателем и продавцом. Во-вторых, двусторонняя монополия чрезвычайно распространена и в «чистом» виде — когда и изначально контрагенты не могли выбирать, с кем заключать договор, из-за отсутствия альтернатив. Такая ситуация характерна для рынков в странах, переживших переход от плановой к рыночной экономике. В период централизованного планирования многие предприятия в таких странах создавались в форме единых крупных производственных комплексов, все части которых были в высокой степени взаимосвязаны с другими: не только значительная часть звеньев производственной цепочки была локализована в одном месте, но также в рамках производств замкнутого цикла побочные продукты или отходы одних производств тут же использовались другими производствами в качестве сырья.

Однако после структурных преобразований 90-х гг. XX в. права собственности были перераспределены таким образом, что в большей части некогда единых комплексов составные части стали управляться разными собственниками, что стало приводить к конфликтам. Ярким примером такой ситуации является так называемый Пикалевский синдром [16], возникновение которого тесно связано с применением норм

антимонопольного законодательства в целях поддержания договорных отношений между самостоятельными компаниями, предприятия которых прежде были частями единого территориально-производственного комплекса.

При этом следует отметить, что со временем актуальность вопроса не снижается: в последние годы имело место несколько крупных антимонопольных дел на рынках, которые подпадают под категорию двусторонних монополий, и, как видно из принятых решений, единый оптимальный вариант решения подобных конфликтов по-прежнему не найден, а потребность в предсказуемой, последовательной практике антимонопольного правоприменения тем не менее существует. На примере трех таких дел покажем, как разнятся существующие подходы антимонопольных органов.

2.2. Двусторонняя монополия в российской антимонопольной практике 2015–2017 годов: три примера

Первое дело — конфликт между АО «ОК Русал ТД» и ОАО «ММК» по поводу поставок жидкого каменноугольного электродного пека марок «Б1» и «В». Указанный пек является сырьем для производства анодов, необходимых для выплавки алюминия. ММК вместе с другими производителями занимает доминирующее положение на рынке пека как поставщик, а РУСАЛ занимает доминирующее положение на данном рынке как покупатель. Таким образом, сложившаяся ситуация близка к ситуации двусторонней монополии. В 2015 г. компании не смогли договориться между собой об основном условии договора — цене товара, и ММК подал жалобу в ФАС России, обвинив РУСАЛ в навязывании ему невыгодных условий договора. При рассмотрении жалобы ФАС России подтвердила наличие признаков злоупотребления со стороны РУСАЛ, но выявила также признаки нарушения со стороны ММК. Невозможность в короткие сроки реализовать пек иному покупателю привела к аварийному приостановлению производства пека на ММК. РУСАЛ же в ходе затянувшихся

переговоров переключился на иностранных производителей сырья, что также было далеко не самым дешевым вариантом. Учитывая критичность складывавшейся экологической ситуации на ММК и риск остановки производства коксохимических продуктов, договор был заключен на условиях РУСАЛ. В ходе рассмотрения дела ФАС России выдала обеим сторонам сделки предупреждения, в соответствии с которыми сторонам необходимо было самостоятельно достичь договоренности на взаимовыгодных условиях. Стороны выполнили требования ФАС России, в результате чего дело было закрыто (2017 г.).

Второе дело — о поставках этилена от предприятия из структуры «Роснефти» в адрес «Саянскхимпласта». В 2015 г. между компаниями действовал договор, в рамках которого этилен поставлялся в адрес «Саянскхимпласта» по трубопроводу, соединявшему два предприятия, для дальнейшего производства поливинилхлорида. Альтернативные варианты поставки данного сырья отсутствовали. «Саянскхимпласт» обратился в Иркутское УФАС России с заявлением о наличии признаков нарушения в форме снижения объемов поставки этилена от «Роснефти», в результате чего «Саянскхимпласт» прекратил его потребление по технологическим причинам. Производство поливинилхлорида было под угрозой полной остановки.

Иркутское УФАС России возбудило дело, которое затем было передано на рассмотрение в центральный аппарат ФАС России. По итогам рассмотрения антимонопольным органом было установлено, что на данном рынке сложилась двусторонняя монополия, где рыночная власть продавца уравнивается рыночной властью покупателя. В итоге ФАС России приняла решение о том, что анализируемый конфликт носит характер хозяйственного спора о неисполнении обязательств по договору, что относится к сфере гражданско-правового регулирования. В дальнейшем конфликт рассматривался в суде, где ФАС России выступала третьей стороной, и закончился мировым соглашением¹ (2016 г.).

¹ Имеется информация, что в настоящий момент «Саянскхимпласт» планируют наладить собственное производство этилена, т. е. произведут

Третье дело — оценка обоснованности схемы ценообразования на продукцию «Уралкалия». Вопрос заключался в том, насколько правомерно было включение инвестиционной составляющей в цену, предлагаемую потребителям карналлита, обогащенного в соответствии с маркетинговой политикой «Уралкалия», — в частности, крупнейшему российскому потребителю ОАО «Соликамский магниевый завод». В рамках расследования по этому делу антимонопольные органы применили достаточно «традиционные» инструменты, приняв попытку действительно оценить цену на обоснованность, не углубляясь в анализ возможной уравнивающей силы покупателя и приближения данной ситуации к двусторонней монополии на российском рынке. По итогам анализа был сделан вывод об отсутствии нарушения (решение выпущено в 2015 г.).

Из описанных выше кейсов видно, насколько различаются подходы антимонопольного органа к анализу ситуаций, где значительная рыночная власть есть и на стороне продавца, и на стороне покупателя. Фактически на примере трех дел можно выделить три альтернативы антимонопольного вмешательства (однако стоит отметить, что спектр возможных вариантов ими не ограничивается): применение «традиционного» подхода к анализу, заключающегося в попытке антимонопольного органа самостоятельно установить обоснованность условий сделки (кейс «Соликамский магниевый завод — Уралкалий»), отказ антимонопольного органа от вмешательства в отношения двусторонней монополии (кейс «Саянскимпласт — Роснефть») и выступление антимонопольного органа в роли медиатора с особым статусом в конфликте сторон двусторонней монополии (кейс «ММК — Русал»).

Для выявления сравнительных преимуществ и недостатков каждой из этих альтернатив необходимо сначала вернуться к обсуждению теоретических аспектов двусторонней

вертикальную интеграцию «назад», что соответствует доводам О. Уильямсона об оптимальном механизме управления транзакциями такого типа http://sia.ru/?section=484&action=show_news&id=357350

монополии. Однако стоит отметить, что подобное разнообразие подходов в любом случае приводит к созданию значительной неопределенности для хозяйствующих субъектов.

***Гипотеза 2.1.** Исходя из теоретических и практических аспектов двусторонней монополии, оптимальная форма интернализации внешних эффектов для нее — вмешательство антимонопольного органа в роли медиатора.*

В пользу данной гипотезы говорят изложенные в следующих параграфах аргументы.

2.3. Двусторонняя монополия в экономической теории

Как отмечалось, двусторонняя монополия на первый взгляд — это всего лишь сочетание монополии и монопосонии, и многие авторы склоняются к тому, что в двусторонней монополии равновесие будет соответствовать либо монопольному, либо монопосонному [17]. Однако большинство источников [17] указывает на фундаментальное отличие ситуации в двусторонней монополии: в ней стороны, не имея возможности продать никому другому или купить у кого-то другого, осознают свою взаимозависимость и исходят из нее при принятии решений.

Базовые экономические модели второго типа показывают, что стороны могут договориться о таком объеме продажи/покупки товара, который обеспечивал им максимум совокупного выигрыша. Единственный вопрос — как они распределят между собой те выгоды, которые получают от совершения сделки. Распределение выгод между сторонами зависит от цены, о которой в итоге стороны договорятся, и здесь надо особо отметить два момента:

- в базовой модели оптимум определяется исключительно тем оптимальным количеством, о котором договариваются продавец и покупатель. Его значение единственно, и стороны, осознающие свою взаимозависимость, именно его и выберут. При этом о какой бы цене в итоге не договорились стороны (в пределах интервала, при котором ни одна

- из них не несет убытков), их совокупный выигрыш от этого не изменится;
- базовые модели не позволяют предсказать, какую именно цену в рамках заданного интервала выберут фирмы. Ее конкретное значение будет предопределяться соотношением переговорной силы сторон, а ее объективный анализ — достаточно тонкая материя, для которой, например, не вполне подходят традиционные инструменты антитраста, нацеленные на оценку не переговорной силы, а рыночной власти [18].

Таким образом, из базовых моделей вполне логично следует, что нет оснований для вмешательства третьей стороны — в данном случае антимонопольного органа — во взаимоотношения компаний в условиях двусторонней монополии. Стороны путем собственных договоренностей будут обеспечивать наилучший для обеих результат, а цена договора не имеет значения для совокупного выигрыша по этому договору. Дополнительные аргументы предлагает новая институциональная экономическая теория, описывая ситуации, когда стороны находятся в высокой степени взаимозависимости и совершают между собой регулярные сделки в отношении так называемых высокоспецифических активов. В таких ситуациях любой третьей стороне — в том числе суду и антимонопольному органу — будет крайне сложно и даже запретительно дорого разбираться в нюансах взаимоотношений сторон, и их вмешательство с высокой вероятностью лишь исказит стимулы участников рынка, не приведя к положительному результату. Для таких ситуаций, как указывает О. Уильямсон [19], оптимальным способом управления процессом была бы вертикальная интеграция сторон в единую компанию, поскольку только так минимизируются издержки от возможных конфликтов за счет оптимальной настройки стимулов, даже с учетом того, что транзакционные издержки внутри единой иерархии также могут быть существенны. Управление такой транзакцией с помощью третьей стороны — например, суда или регулятора — будет априори менее эффективным, чем вертикальная интеграция.

В ответ на это можно выдвинуть два аргумента, которые позволяют все же говорить о том, что вмешательство третьей стороны в лице суда или антимонопольного органа может быть оправданным. Первый состоит в том, что базовые модели двусторонней монополии не учитывают издержек на ведение переговоров, которые могут быть достаточно высоки и при определенных условиях даже заблокировать возможность достижения договоренности, а также внешние эффекты, которые могут возникать в результате недостижения консенсуса между сторонами. В сочетании данные факторы приводят к тому, что общественное благосостояние уменьшается за счет затягивания переговоров и невозможности сторон прийти к договоренности. Подобные потери благосостояния иллюстрируются другой базовой моделью — так называемой моделью двойной надбавки, которая предполагает каскад из монополий в рамках цепочки создания стоимости, где на каждом этапе единственный продавец назначает монопольную надбавку к цене, в результате чего цены на конечном рынке растут, а доступные для покупки объемы сокращаются. В данной модели из-за рассогласованности действий монополистов на каждом этапе существует отрицательный вертикальный внешний эффект, устранение которого — в частности, путем вертикальной интеграции — улучшает положение и потребителей, и продавцов.

Почему же двусторонняя монополия не перерастает каждый раз в вертикальную интеграцию, раз она повышает выгоды и самих продавцов, и покупателей и к тому же является оптимальным механизмом управления для таких случаев, минимизирующим транзакционные издержки? Второй аргумент связан с тем, что вариант вертикальной интеграции не всегда доступен. Вернемся к примерам из российской практики. Зачастую те производственные комплексы, которые управлялись из единого центра, в ходе приватизации оказались в разных руках, что в ряде случаев привело к переходу от ситуации вертикальной интеграции к ситуации двусторонней монополии. В большинстве таких ситуаций нет достаточных оснований предполагать, что в обозримом

будущем данные предприятия вновь окажутся в одних руках (продавец купит предприятие покупателя или наоборот), хотя отрицательные внешние эффекты от недостижения договоренности могут иметь место. Также во многих случаях нет оснований полагать, что свойства технологии приведут к снижению издержек переключения, тем самым ослабив взаимозависимость компаний. В случае, когда first-best решение недостижимо, необходимо исходить из доступных вариантов second-best решения, которым могут являться вмешательство третьей стороны, в том числе антимонопольного органа.

Дополнительные аргументы для вмешательства могут быть получены исходя из концепции критических транзакций [20, 21]. Критичность транзакций предопределяется технологическими и экономическими факторами и зависит от двух основных параметров: от масштаба контроля и от скорости, с которой необходимо проводить корректировки и подстраиваться под изменившиеся обстоятельства. С точки зрения масштаба транзакция может быть критической для всей системы, для подсистемы, для элемента системы. По параметру необходимой скорости корректировки транзакция может лежать в интервале от мгновенной подстройки до долгосрочных изменений. Для каждого сочетания данных параметров можно определить оптимальный механизм управления транзакцией, однако, во-первых, не всегда такой оптимальный механизм будет доступен с учетом издержек его достижения, а, во-вторых, критичность транзакции не всегда одинаково оценивается сторонами — и вполне вероятно, что «общественный планировщик», который руководствовался бы эффективностью всей производственной цепочки и принимал во внимание внешние эффекты, определял критичность транзакций не так, как какая-либо из сторон. Такая разница в оценках также может быть источником внешних эффектов, интернализация которых может потребовать государственного вмешательства.

В результате процессов приватизации многие транзакции, характеризующиеся высокой степенью критичности,

оказались под двусторонним управлением — что не соответствует тем оптимальным способам управления ими, которые предопределяются их характеристиками [20]. При этом в рассмотренных нами примерах двусторонних монополий не возникал вопрос перехода к оптимальным механизмам управления критическими транзакциями — от двусторонних к односторонним. Это потребовало бы реформирования отраслей и масштабного перераспределения прав собственности. Таким образом, с высокой вероятностью текущее распределение прав собственности можно рассматривать как внешнее ограничение в ситуации выбора способа управления транзакциями из категории *second-best*, которые должны оцениваться с позиций их сравнительных преимуществ, недостатков и связанных с их реализацией рисков.

Все это дает основание предполагать, что тезис об оптимальности невмешательства третьей стороны во взаимоотношения двусторонней монополии стоит поставить под сомнение, если учитывать экономические реалии стран, переживших трансформацию экономики. Однако почему эту роль стоит исполнять антимонопольному органу, каким должен быть способ вмешательства и какие дополнительные инструменты могут в связи с этим понадобиться — вопросы, требующие дополнительного обсуждения.

2.4. РОЛЬ АНТИМОНОПОЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ДВУСТОРОННЕЙ МОНОПОЛИИ: ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

Как уже отмечалось, в текущей практике можно выделить три основных подхода к разрешению конфликта в ситуации двусторонней монополии: традиционный антимонопольный анализ обоснованности условий контракта, отказ от антимонопольного вмешательства и передача дела в суд и своеобразная «медиация» со стороны антимонопольного органа.

Какие основания утверждать, что именно антимонопольный орган способен наилучшим образом справиться с обеспечением интернализации внешних эффектов в двусто-

ронней монополии? Для ответа на этот вопрос необходимо оценить, есть ли у антимонопольного органа сравнительные преимущества в решении данного вопроса по сравнению с судом и с «традиционным» механизмом медиации.

Основное преимущество по сравнению с судом заключается в том, что в антимонопольных органах сосредоточены специальные компетенции по анализу рынков и хозяйственных взаимоотношений предприятий и, кроме того, сотрудники антимонопольных органов, как правило, глубоко погружены в особенности анализируемых отраслей. Антимонопольные органы, кроме того, могут обладать специализированными навыками для проведения более глубокого экономического анализа для оценки ситуации на рынках. Таким образом, асимметрия информации и издержки ее снижения для антимонопольного органа ниже, хотя, как отмечалось, для ситуаций двусторонней монополии любая третья сторона будет испытывать значительные трудности при попытке анализа взаимоотношений сторон за счет наличия у сторон неявного знания.

Преимущество же антимонопольного органа по сравнению с «классической» схемой медиации заключается в том, что антимонопольный орган может создать более сильные стимулы для сторон к достижению взаимовыгодной договоренности, так как имеет возможность применить угрозу санкций в случае провала переговоров.

Однако стоит принять во внимание, что для обеспечения достоверности такой угрозы санкций могут понадобиться дополнительные инструменты. В частности, в настоящий момент не до конца прояснены некоторые правовые вопросы: могут ли стороны двусторонней монополии обе одновременно выступать и заявителем и ответчиком по одному антимонопольному делу и должны ли границы релевантного рынка определяться одновременно на двух его сторонах. Отдельный вопрос также состоит в том, как антимонопольный орган может и должен повлиять на баланс переговорной силы участников рынка, обращающихся к нему в попытке перераспределения ожидаемых выигрышей и издержек от переговоров.

3. Защита интеллектуальной собственности и конкуренции: от перпендикулярности к сонаправленности

3.1. Источники противоречий

Защита конкуренции и защита интеллектуальной собственности являются важными факторами инновационного развития экономики, но в ряде случаев они могут входить в противоречие. Проблемы возникают в связи с необходимостью одновременного стимулирования экономических агентов к инновационной активности и обеспечения возможностей для доступа широкого круга потребителей к результатам этой деятельности. Защита интеллектуальной собственности обеспечивает решение первой из этих двух задач, поскольку гарантирует исключительное положение правообладателя относительно распоряжения его результатами интеллектуальной деятельности (РИД), но ограничивает возможности доступа остальных экономических агентов в части несанкционированного использования РИД. Защита конкуренции, в свою очередь, должна предотвращать злоупотребление доминирующим положением со стороны хозяйствующих субъектов, в частности — правообладателей, не допускать их антиконкурентных соглашений между собой, в том числе по поводу реализации

объектов интеллектуальной собственности. Это автоматически задает ограничения для правообладателя, снижает его ожидаемый доход от инновационной активности. Зато потребители — как конечные, так и те, кто использует объекты интеллектуальной собственности для целей собственного производства, — благодаря защите конкуренции должны получить доступ к РИД и к товарам, произведенным с интенсивным использованием РИД, на недискриминационных условиях и по экономически обоснованным ценам.

Продолжением этого противоречия является вопрос: какая именно рыночная структура (или, точнее, какое состояние рынка с учетом не только положения, но и поведения продавцов) наиболее перспективна для обеспечения инновационного развития соответствующей отрасли: более монополизированная или более конкурентная. Противостоящие концепции в этой дихотомии традиционно приписываются Й. Шумпетеру [22] и К. Эрроу [23]. Монополизация дает инноватору стимулы за счет высокой нормы прибыли и ресурсы для дальнейшего развития технологий, а конкуренция обеспечивает инноваторам рыночные стимулы за счет конкурентного давления и дополнительные возможности за счет более широкого и свободного распространения технологических новшеств. Существует ряд попыток синтеза этих подходов, например модель перевернутой U-зависимости экономического роста от конкуренции Ф. Агийона и соавторов [24] и ее более современные модификации [25]. Споры по данному вопросу в фундаментальной литературе продолжают, но на данный момент действующий консенсус предполагает: стимулы конкурентной борьбы должны сопровождаться возможностями получить сверхнормативный доход от создания РИД.

С учетом фактора времени в инновационной деятельности это означает следующее: «до» изобретения потенциальный инноватор должен быть простимулирован как интенсивной конкуренцией на рынке (или за рынок), сокращающей его текущую прибыль, так и вероятным получением сверхнормативной прибыли «после» изобретения. Максимизация разности между прибылью «до» и «после» разработки и внедрения

инновации служит ключевым стимулом технологического развития.

В то же время непрерывный и кумулятивный характер технологического развития не позволяют однозначно идентифицировать ситуации, когда инноватор должен или не должен подвергаться защите. В любом случае если такое решение и надлежит принять властям, то едва ли отвечать за него должны именно антимонопольные власти, так что их дискреция в сфере обращения РИД должна быть ограничена четкими рамками.

3.2. В ПОИСКАХ ПРАВОВОГО КОМПРОМИССА

Противоречия защиты интеллектуальной собственности и конкурентной политики на практике отражаются в проблеме наличия или отсутствия антимонопольных иммунитетов для обладателей исключительных прав на РИД. Владение исключительными правами нередко интерпретируется как источник возможной монополизации рынка за счет наличия единственного поставщика некоторого технологического решения. Соответственно, любой правообладатель может попасть под антимонопольное преследование. Но в экономическом смысле права на РИД не означают наличия монополии и даже не означают наличия доминирующего положения на каком-либо рынке — как на рынке собственно прав на РИД, так и на рынках товаров, произведенных с использованием этого РИД, защищенного, например, патентом. Тогда защита конкуренции может несколько не ограничивать права интеллектуальной собственности. Но если возникает доминирующее положение правообладателя на каком-либо рынке, то антитраст может существенно ограничить его права под предлогом защиты конкуренции. Соответственно, для оптимизации своей стратегии по отношению к инноватору регулятор может пойти на создание специального режима для РИД, в том числе посредством введения антимонополь-

ных иммунитетов, то есть частичных или полных исключений из антимонопольного законодательства.

Практика ведущих антимонопольных юрисдикций — США и Евросоюза — такова, что тотальных исключений для РИД в антимонопольном праве нет, однако есть особенности применения антимонопольного законодательства для сферы интеллектуальной собственности. Так, в США действует специальное руководство по применению антитраста в сфере лицензирования интеллектуальной собственности, модернизированное в 2017 году¹. В ЕС существуют так называемые блоковые исключения (они известны также как групповые исключения) из антимонопольных запретов в отношении отдельных видов трансакций в сфере обращения РИД², которые тоже были относительно недавно пересмотрены — в 2014 г.

Для России проблема оппортунистического поведения правообладателей может обостриться в силу ряда обстоятельств.

Во-первых, во многих отраслях Россия вынуждена импортировать технологии (особенно если речь идет о гражданской промышленности). Это необязательно говорит о технологической отсталости, но в условиях активного развития глобальных цепочек создания стоимости и попыток встраивания национальных предприятий в эти цепочки зависимость предприятий малой открытой экономики неизбежна при сколь угодно существенном вовлечении в бизнес специфических активов. Частичным решением проблемы вымогательства, которое нередко возникает в этих обстоятельствах, могла бы стать вертикальная интеграция с поставщиками технологий, но в силу нецелесообразности для одной из сторон (например, для глобального игрока, имеющего доступ к широкому множеству альтернативных партнеров) или правовых ограничений (со стороны все того же антимонопольного законодательства в части контроля сделок экономической концентрации, либо законодательства об инвестициях в стратегические

¹ The Antitrust Guidelines for the Licensing of Intellectual Property.

² EU Technology Transfer Block Exemption Regulation.

отрасли, либо иных отраслевых норм) это часто невозможно. По мере развития высокотехнологичного сектора указанные риски вымогательства способны возрастать.

Данная проблема обостряется в условиях роста влияния транснациональных корпораций на национальные рынки: бизнес-процессы транснациональных корпораций существуют в многосторонней системе, охватывающей сразу несколько рынков и отраслей, что в итоге приводит к формированию глобальных кластеров, блокирующих распространение инноваций на страновом уровне.

Несмотря на активное развитие инновационных процессов в мировой экономике, значительная часть РИД по-прежнему контролируется немногочисленными крупнейшими корпорациями, число и состав которых остаются относительно стабильными в последние годы (численность даже имеет тенденцию к снижению в течение десятилетнего периода) (рис. 1). Соответственно, возможности переключения на альтернативных партнеров довольно невелики.

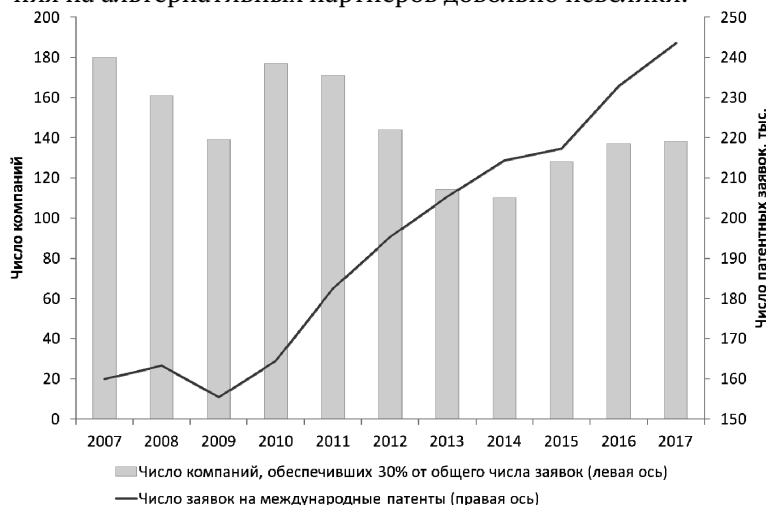

Рис. 1. Количество заявок на международные патенты в рамках patent cooperation treaty и численность крупнейших заявителей

Источник: World Intellectual Property Organization, Patent Cooperation Treaty

Во-вторых, внешнеполитические обстоятельства создают угрозу технологических санкций против России в части поставок либо определенных технологий, либо товаров и услуг, производимых с использованием данных технологий. На данный момент эта угроза реализована в ряде сегментов нефтедобычи, но сохраняются риски ее дальнейшего распространения как в виде жестких нормативных ограничений зарубежных государств, так и в формате рекомендаций с их стороны участникам рынка, для которых это может обернуться переоценкой их собственных рисков.

В то же время недостаточно благоприятный инвестиционный климат служит ограничением для входа инновационных предприятий на российские рынки, а одной из важнейших проблем инвестиционного климата остаются регуляторные риски. Усложнение и ужесточение антимонопольного регулирования приведет к еще большей уязвимости правообладателей.

Для предотвращения злоупотребления доминирующим положением обладателей прав на РИД государство могло бы в принципе использовать традиционные антимонопольные меры (или их сочетания). В числе таких мер, например, предусмотренные в КоАП РФ в статье 14.31 антимонопольные санкции (наказания) за нарушение статьи 10 закона «О защите конкуренции», запрещающей злоупотребление доминирующим положением, предписания о действиях правообладателя для прекращения такого нарушения, введение недискриминационного доступа к отдельным товарам или принудительное лицензирование.

Особенность российского антимонопольного законодательства состоит в том, что закон «О защите конкуренции» содержит прямые исключения для РИД, так что формально антимонопольный режим существенно мягче для правообладателей, чем в Европе или США. В соответствии с ч. 4 ст. 10 закона «О защите конкуренции» действия по осуществлению прав на РИД не могут быть признаны злоупотреблением доминирующим положением, а в соответствии с ч. 9 ст. 11 запрет антиконкурентных соглашений не распространяется

на соглашения о передаче прав на РИД. Это не позволяет применять первые три из четырех перечисленных выше мер к правообладателям только на основании обладания исключительными правами на РИД.

Таким образом, в России нельзя обвинить правообладателя в злоупотреблении доминирующим положением лишь на том основании, *что он не передает патент на изобретение или лицензию на использование изобретения* другим участникам рынка либо же назначает высокую цену. Но правообладатель может быть обвинен в том случае, если антимонопольный орган установит факт злоупотребления доминирующим положением *на рынке товаров (услуг), производимых с использованием данного изобретения*. Однако для этого требуется установить факт доминирующего положения правообладателя (например, если другие производители не способны производить конкурентоспособный товар без использования данного изобретения). Тогда к правообладателю могут быть применены все перечисленные варианты санкций.

Примером применения в последние годы масштабных санкций такого рода в развивающейся экономике может служить расследование в отношении корпорации Qualcomm в Китае. В 2015 г. китайские власти в ходе антимонопольного расследования установили, что поведение корпорации имеет антиконкурентный характер и предписали снизить роялти на использование 3G и 4G технологий, уплачиваемые местными производителями в адрес Qualcomm. Помимо этого, Qualcomm был присужден крупнейший для Китая штраф на сумму 975 млн долл.

Еще один вариант решения проблемы оппортунистического поведения правообладателя — принудительное лицензирование. В России возможность его применения предусмотрена ст. 1362 ГК РФ. Основанием для использования принудительного лицензирования является неиспользование (недостаточное использование) патентных прав, что приводит к ограничению обращения товаров на рынке. Но для реализации этой меры требуется судебная процедура — это сложно, долго и дорого. В России был прецедент успешного

применения ст. 1362. Он был зафиксирован в 2018 г. в фармацевтической сфере (дело компании «Натива» о получении прав на выпуск противоопухолевого препарата) [26]. ФАС России пыталась ввести более простую, внесудебную процедуру принудительного лицензирования. Но эта попытка на данный момент не увенчалась успехом.

Предложенный ФАС России весной 2018 г. пакет изменений в антимонопольное законодательство («пятый антимонопольный пакет») включает отказ от антимонопольных иммунитетов для РИД. При этом законопроект, вынесенный на публичное обсуждение, не содержит каких-либо дополнений ни о поэтапном характере изменений, ни о введении разъяснений или руководства по применению антимонопольных запретов в сфере РИД, ни о каких-либо частичных исключениях.

Позиция ФАС России состоит в необходимости распространения антимонопольных запретов на сферу обращения РИД для предотвращения возможных ограничений конкуренции за счет манипулирования антимонопольными иммунитетами. Действительно, данные иммунитеты могли бы стать своеобразной «безопасной гаванью» для нарушителей, если только они были способны связать свои действия именно с обращением прав на РИД (а не с обращением товаров, произведенных с использованием РИД), что не всегда очевидно.

Позиция противников отмены иммунитетов обосновывается ухудшением делового климата для инноваторов и потенциальных инноваторов за счет повышения риска антимонопольного преследования и невозможности полной реализации преимуществ от инновационной деятельности в рамках антимонопольных ограничений. Риски применения санкций усугубляются недостаточным опытом правоприменения в этой сфере и отсутствием заблаговременных разъяснений в условиях достаточно высокой степени сложности отношений в высокотехнологичных отраслях.

Отказ от универсальных антимонопольных иммунитетов в сфере обращения РИД в их нынешней формулировке соот-

ветствует международным стандартам и может способствовать переходу от освобождения от ответственности *per se* к взвешенному подходу. В то же время простое исключение иммунитетов, предложенное в законопроекте, несет риски перехода «в другую крайность», в рамках которой не будут приниматься во внимание особенности обращения РИД, в отличие от других стран мира. Во всяком случае у экономических агентов будут сформированы негативные ожидания, и стимулы к инвестициям в инновационную активность могут снизиться.

3.3. АНТИТРАСТ ПРОТИВ ЗАЩИТЫ ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ: ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

Дискуссия, вызванная очередной инициативой ФАС России по исключению антимонопольных иммунитетов для РИД, возвращает в повестку дня конкурентной политики следующие гипотезы.

Гипотеза 3.1. *Исключение универсальных антимонопольных иммунитетов для РИД является неизбежным результатом развития институтов защиты конкуренции в России в долгосрочной перспективе.*

В международной практике универсальные антимонопольные иммунитеты для РИД не являются систематической практикой, поскольку такие иммунитеты создают слишком широкие, не обоснованные стандартами экономического анализа возможности для злоупотребления доминирующим положением или антиконкурентных соглашений. К тому же наличие широких исключений *де-юре* создает у антимонопольных органов стимулы к тому, чтобы сузить их *де-факто* за счет ограничительной трактовки отношений в сфере обращения РИД. Поэтому риски антимонопольного преследования все равно сохраняются. Отказ от универсальных иммунитетов при сохранении более узких, но более четких границ разрешенных практик способен повысить и уровень благосостояния участников рынка, и уровень развития конкуренции.

Гипотеза 3.2. *Применение стандартного антимонопольного режима для всех РИД без переходного периода приведет к субоптимальной траектории в изменении общественного благосостояния.*

РИД разнородны и обладают разными экономическими характеристиками. В первую очередь можно обозначить различия между объектами авторского права (например, произведениями науки, литературы, искусства) и патентного права (например, изобретениями или полезными моделями), хотя и внутри этих категорий есть существенные различия между видами РИД. В зависимости от характеристик РИД могут по-разному коммерциализироваться: как самостоятельные продукты (что свойственно объектам авторского права: книгам, программам и т. п.) или как факторы производства (что свойственно объектам патентного права: полезным моделям, промышленным образцам и т. п.). Для разных РИД могут по-разному определяться продуктовые границы рынка (к примеру, для производственных технологий или для музыкальных произведений), состав участников и входные барьеры — соответственно, эти различия потребуют изменений в подзаконных актах, связанных с анализом рынка.

Одномоментное снятие антимонопольных иммунитетов, когда у экономических агентов не будет времени для адаптации к некоторому новому, априори неизвестному антимонопольному режиму, который при неблагоприятном развитии событий может потребовать совершенно нетипичных для данного вида РИД регулирования деловых отношений, заставит предпринимателей заранее пересматривать бизнес-модели, переходя к субоптимальным решениям «для страховки», а именно к вертикальной интеграции, переводу бизнеса за границу или его продаже.

Наиболее важным направлением работы с точки зрения государственного регулирования стало бы доказательство на практике следующей достаточно тривиальной гипотезы.

Гипотеза 3.3. *Наличие переходного периода и частичное сохранение антимонопольных иммунитетов для РИД вкупе с прозрачным и предсказуемым правоприменением создают*

благоприятные условия для оптимизации траектории общественного благосостояния.

Решением проблемы снятия антимонопольных иммунитетов могла бы стать сбалансированная программа поэтапного перехода к новому режиму антимонопольной политики в сфере обращения РИД, включающая:

- сохранение иммунитетов для отдельных видов деловых практик (наподобие «блоковых исключений в ЕС»), безопасных для конкуренции, но сейчас способных формально попасть под критерии нарушения;
- возможные различия в нормах антимонопольного законодательства для разных видов РИД;
- детализированные разъяснения применения антимонопольного законодательства к сфере обращения РИД, в том числе по критериям использования взвешенного подхода с учетом социально-экономических эффектов от тех или иных деловых практик;
- переходный период с применением смягченного режима антимонопольных санкций к нарушениям в сфере обращения РИД (преимущественным использованием института предупреждений).

4. Защита конкуренции в контексте становления наднационального антиitrusta на трансграничных рынках ЕАЭС

4.1. Предпосылки развития наднационального антиitrusta

Создание общего рынка товаров и услуг в пределах международной интеграционной группировки способно принести позитивные эффекты всем участникам экономической интеграции в целом, но эти эффекты будут серьезно ограничены при отсутствии конкуренции на различных трансграничных рынках. Осознание этого аспекта обусловило попытки развития наднациональной (международной) антимонопольной политики (антиitrusta) при экономической интеграции. Наиболее ярким и важным примером такой политики является включение позиций о защите конкуренции в Римский договор, положивший начало современной европейской интеграции, и в последующие базовые договоры Евросоюза. Отметим, что во времена Римского договора не во всех странах ЕС существовала самостоятельная антимонопольная политика, но и сейчас превалирующую роль в антиitruste европейских стран играет Еврокомиссия.

По мере развития глобализации и одновременного повышения роли международных ин-

тегративных группировок исследователи неоднократно возвращались к вопросу о международном антитастрасе как в рамках региональной интеграции, так и на глобальном уровне. Основным обоснованием является возможность интернализации трансграничных внешних эффектов, связанных с недоиспользованием взаимодополняющих возможностей антимонопольных органов разных стран, с рисками противоречивых решений разных юрисдикций и с недостаточным учетом эффектов антимонопольных нарушений и мер против них в отношении других стран. Все эти эффекты могут быть преодолены при формировании международного антитастраса.

Взаимодополняющие возможности антимонопольных органов разных стран связаны с проведением антимонопольных расследований, поиском доказательств антиконкурентного поведения одновременно в различных юрисдикциях. В случае международных картелей либо трансграничной деятельности отдельных доминирующих фирм возможность деятельности антимонопольных органов на территории расположения штаб-квартиры или отдельных филиалов становится ценной — и речь идет не только и не столько о проведении оперативных мероприятий, но и о полномасштабном анализе рынков, включающем социологические обследования, коммуникацию с экспертами и сотрудниками компаний, исследования локальных особенностей обращения товаров. Особым аспектом такого сотрудничества является распространение лучших практик национальных антимонопольных служб. Помимо этого, трансграничное сотрудничество антимонопольных органов способно обеспечить лучший информсмент предписаний, выданных на территории отдельных государств, и антимонопольных санкций (к примеру, за счет затруднения утаивания части оборота при расчете штрафов).

Снижение рисков противоречивых решений может существенно облегчить компаниям деятельность на трансграничных рынках, особенно если речь идет о сделках экономической концентрации. Известные примеры попыток крупных

сделок объединения GE и Honeywell, ATR и de Havilland, которые успешно проходили согласование в США и Канаде, но были заблокированы Еврокомиссией, свидетельствуют о том, что даже при высоком уровне и длительном опыте антимонопольной политики расхождения в оценках властей могут быть существенными. Проблема состоит не только в принципиальных расхождениях, но и в разных эффектах для разных юрисдикций, обуславливающих различия в мотивации антимонопольных органов.

Различия в последствиях антимонопольных решений для разных экономик, в свою очередь, приводят к рискам возникновения трансграничных внешних эффектов национальной антимонопольной политики. К примеру, если национальные власти не препятствуют созданию экспортно-ориентированного картеля, то это автоматически приводит к возникновению внешних эффектов у стран-потребителей. Введение наднационального антитраста гипотетически позволяет провести интернализацию внешних эффектов за счет учета всего массива последствий на территории интеграционной группировки стран.

В то же время отмечаются высокие издержки ведения переговоров и обеспечения обязательств при разнородности участников интеграционной группировки, отсутствии надежного гаранта выполнения обязательств [27, 28, 29].

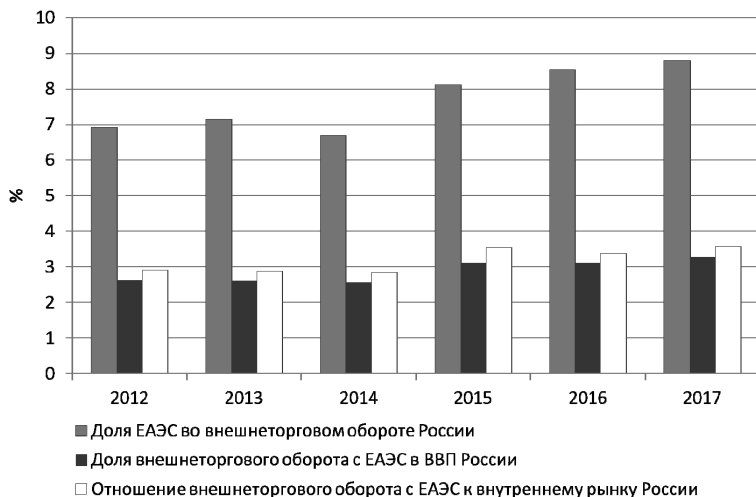
Действительно, целесообразность учета трансграничных внешних эффектов и выработки антимонопольных решений, максимизирующих глобальную общественную полезность, весьма сомнительна, если у стран нет взаимных механизмов компенсации нанесенного ущерба и принесенных выгод. В этих условиях создание наднационального антитраста потребует сильных дополнительных координационных усилий, в обыденном лексиконе — политической воли, а также наличия координатора или гаранта, обеспечивающего достоверность взятых обязательств.

4.2. ВЫРАБОТКА НАДНАЦИОНАЛЬНОГО АНТИТРАСТА В ЕАЭС: ПЕРВЫЕ ТРУДНОСТИ

С 2015 г. вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), что ознаменовало начало полноценного функционирования интеграционной группировки, в том числе в сфере трансграничных рынков. Для защиты конкуренции на трансграничных рынках в Договор были введены нормы, устанавливающие общие принципы и правила конкуренции в ЕАЭС (ст. 74–77 Договора) и детализированные правила антимонопольной политики (Приложение № 19 к Договору и подзаконные акты). Также были созданы специализированные подразделения в Евразийской экономической комиссии (Департамент антимонопольного регулирования, Департамент конкурентной политики и политики в области государственных закупок).

ЕАЭС характеризуется разнородностью государств-участников и недостаточной ролью рынков интеграционной группировки относительно национальных рынков и внешних рынков, во всяком случае, применительно к крупнейшему участнику — России, хотя со временем эта роль и возрастет (рис. 2). В этой ситуации возникает вопрос относительно устойчивости наднациональных антимонопольных органов и институтов в силу упомянутых выше ограничений. Разнородные экономики — импортеры и экспортеры, различающиеся по размерам и не имеющие очевидных механизмов взаимной компенсации издержек и выгод от работы наднациональных правил — теперь должны применять на трансграничных рынках единые правила (при возможности сохранения национальных правил на внутренних рынках). Это порождает очевидные сложности, проявившиеся и при вынесении первых решений ЕЭК.

До 2017 г. антимонопольная политика в ЕАЭС не привлекала внимания широкой общественности в связи с фактическим отсутствием антимонопольных разбирательств на трансграничных рынках. Но в 2017 г. ЕЭК возбудила первые антимонопольные дела и применила санкции против

Примечание. Объем внутреннего рынка России рассчитан как сумма ВВП и импорта за вычетом экспорта.

Рис. 2. Роль торговли в рамках ЕАЭС для российской экономики

Источник: Росстат, Всемирный банк, расчет авторов.

участника рынка в рамках одного из этих дел (дела о поставках трансформаторной стали).

Небесспорное решение ЕЭК вызвало дискуссии на пространстве ЕАЭС, поскольку оно было связано не только с обстоятельствами конкретного дела, но затрагивало фундаментальную проблему наднационального антимонопольного регулирования. Речь идет о сочетании национального и наднационального антитраста. В рассматриваемом случае предписание, сформированное более десяти лет назад для российского производителя и распространенное тогда только на внутренний российский рынок на срок 20 лет, было фактически перенесено на весь трансграничный рынок, так чтобы правила ценообразования на внутрироссийском рынке и на трансграничном рынке не отличались.

Обвиняемая по этому делу компания (Группа НЛМК, Россия) предположительно завышала цены на трансформаторную сталь для зарубежных покупателей (в рамках ЕАЭС) от-

носителем цен, установленных для потребителей из России (под действием предписания). В результате ЕЭК пыталась доказать антимонопольное нарушение в виде злоупотребления доминирующим положением на трансграничном рынке со стороны российского производителя и в конечном счете вынесла именно такое решение.

Это решение, с одной стороны, можно обосновать необходимостью предотвращения ценовой дискриминации потребителей на всем пространстве ЕАЭС. С другой стороны, целесообразность решения можно оспорить с учетом того, что оно выносилось в свое время только для российского рынка. Автоматическая трансляция решений национальных антимонопольных органов (в том числе вынесенных до формирования ЕАЭС) на трансграничные рынки под предлогом избегания дискриминации чревата возникновением эффектов, которые не учитывались ни регулятором, ни участниками рынка в момент вынесения решения, а также созданием неверных стимулов для национальных антимонопольных органов, которые могут воспользоваться этим механизмом для трансляции выгодных себе норм за пределы национальной юрисдикции.

Принципиальное изменение условий ведения бизнеса при формировании трансграничных рынков на пространстве ЕАЭС не позволяет механически переносить ранее действовавшие в национальных границах антимонопольные нормы на уровень общего рынка. Антимонопольные органы ЕАЭС должны применять взвешенный подход при анализе рынков, имеющих историю антимонопольного регулирования в рамках национальных границ, и формировать новые «правила игры» для трансграничных рынков на будущее, а не менять зону действия старых правил в ретроактивном порядке.

4.3. НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ АНТИТРАСТ ПРОТИВ СУВЕРЕННОЙ КОНКУРЕНТНОЙ ПОЛИТИКИ: ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

Первые шаги наднационального режима антимонопольной политики в ЕАЭС выявили ряд проблем, в основе кото-

рых лежат издержки координации деятельности государств на новой площадке, а также перераспределительные эффекты вновь создаваемых институтов для этой координации. Теперь и ЕЭК, и национальным антимонопольным службам предстоит дать ответы на ряд вызовов.

Гипотеза 4.1. *Международная антимонопольная политика в ЕАЭС связана со значительными распределительными эффектами между странами, что затруднит поиск консенсусных решений в рамках ЕЭК.*

Национальные экономики стран ЕАЭС разнородны, часто они обладают ярко выраженной специализацией в рамках ЕАЭС как производители или потребители определенных товаров и услуг. Антимонопольная политика часто имеет существенные распределительные эффекты за счет перераспределения выгод и издержек между участниками рынка, но при однородности стран это распределение происходит симметрично по всем странам, участвующим в наднациональном режиме. В случае разнородности стран, когда потребители сконцентрированы в одной стране, а производители — в другой, происходит асимметричное перераспределение, что затрудняет принятие решений. Соответственно, для снижения издержек поиска консенсуса желательно рассмотреть возможность компенсационных механизмов.

Гипотеза 4.2. *Распространение национальных антимонопольных норм, принятых в отношении отдельных отраслей и предприятий, на наднациональный уровень под предлогом предотвращения дискриминации менее эффективна, чем выработка новых норм для наднационального уровня.*

Пример разбирательства на рынке трансформаторной стали показал, что антимонопольная служба ЕЭК может столкнуться с проблемой «унаследованных» национальных норм антимонопольной политики на отдельных товарных рынках, которые теперь приобрели статус трансграничных. Для предотвращения дискриминации участников того же трансграничного рынка в другой национальной юрисдикции (к которой ранее не применялись «унаследованные» нормы национальной антимонопольной политики) национальные

нормы могут быть просто транслированы на весь трансграничный рынок, как было сделано в случае трансформаторной стали. Но при этом возникают два негативных эффекта. Во-первых, расширение зоны действия антимонопольной нормы может привести к ранее (во время вынесения исходного предписания) не учтенным негативным эффектам (в частности, дополнительному сокращению финансовых результатов субъекта, деятельность которого ограничивает норма), так что теперь результат работы этой нормы будет субоптимальным для общества. Во-вторых, национальные антимонопольные органы каждого государства-члена будут заинтересованы в принятии таких норм, которые бы благоприятствовали именно их субъектам на пространстве ЕАЭС, так как впоследствии эти нормы будут транслированы на другие страны. Результатом такого развития событий может стать «разрушительная конкуренция» антимонопольных режимов.

Развитие общего рынка ЕАЭС требует наднациональной конкурентной политики на трансграничных рынках, но для этого недостаточно ни простого внедрения стандартных антимонопольных норм в состав базовых международных договоров, ни трансляции национальных норм на пространство общего рынка. Противоречивые интересы государств-членов на трансграничных рынках, относительно небольшие размеры трансграничных потоков относительно внутреннего рынка для крупнейших государств и наличие антимонопольного «бэкграунда» на национальном уровне заставляют применять дополнительные меры адаптации наднациональных мер антимонопольной политики для принятия консенсусных решений.

Объективные противоречия интересов государств на трансграничных рынках могут привести к ухудшению репутации ЕЭК и рабочих межгосударственных отношений, поскольку решения антимонопольного подразделения ЕЭК будут рассматриваться как «игра в пользу своей команды» в зависимости от состава комиссии [30]. Ограниченная роль трансграничных потоков для государств-членов может обусловить необоснованность издержек адаптации компа-

ний (как производителей, так и потребителей) к нормам ЕАЭС вместо национальных норм. Наличие национального антимонопольного «бэкграунда» заставляет как-то к нему адресоваться: либо пересматривать его, либо применять в масштабах ЕАЭС — эта ситуация повышает степень неопределенности для компаний.

С учетом этих обстоятельств задачи ЕЭК усложняются, и деятельность Комиссии может развиваться по двум сценариям:

- минимизировать масштаб объекта регулирования за счет ужесточения критериев признания трансакций трансграничными и фактического делегирования большей части полномочий на национальный уровень;
- разворачивать более сложную систему конкурентной политики, включающую возможность пересмотра национальных норм при необходимости, механизмы компенсации или вознаграждения пострадавшим государствам, политику по активизации трансграничных торговых потоков.

Заключение

Цифровая трансформация, с одной стороны, создает новые возможности для конкуренции, расширяя границы существующих рынков и создавая новые. С другой стороны, появляются и новые вызовы для антимонопольной политики: рост рыночной власти за счет сетевых эффектов, изменение форм злоупотреблений. В поиске ответов на данные вызовы антитраст будет неизбежно обращаться к экономической теории в поисках инструментов и моделей, которые помогли бы антимонопольным органам правильно квалифицировать поведение компаний на цифровых рынках. Однако если по ряду категорий, которые сейчас становятся наиболее актуальными для антитраста в связи с цифровой трансформацией — категории сетевых эффектов, платформ, многосторонних рынков, ценовой дискриминации первой степени и т. д. — теория действительно может предложить свои наработки, тем не менее нет гарантии, что они будут непротиворечивы в используемых предпосылках и будут легко сопрягаться между собой. В связи с этим при попытках опираться на результаты экономической теории по данным вопросам экспер-

там следует иметь в виду различия в направлениях внутри экономической теории и иметь представления о корнях тех или иных моделей и концепций.

Вопросы двусторонней монополии относятся, скорее, к проблематике антитраста в «традиционных» отраслях, что, однако, не значит, что данные вопросы имеют однозначное консенсусное решение. Напротив, в вопросах урегулирования проблем двусторонней монополии антимонопольная политика до сих пор находится на перепутье, и в настоящее время приходит осознание, что для эффективного предотвращения и пресечения возможных нарушений в ситуации единственного продавца и единственного покупателя антимонопольному органу может быть необходимо выступать в нестандартной для него роли медиатора. В то же время такая позиция может означать сохранение достаточно высокого уровня неопределенности для компаний, обращающихся в антимонопольный орган для разрешения конфликтной ситуации.

Проблема оптимальной организации отраслей и рынков для инновационного развития экономики находит яркое отражение при столкновении целей защиты конкуренции, с одной стороны и защиты интересов обладателей прав на РИД с другой стороны. Теоретические и прикладные исследования приводят к выводу о том, что истина находится посередине. В российском контексте это означает, что сохранение абсолютных антимонопольных иммунитетов для всех РИД в законе «О защите конкуренции» не является устойчивой стратегией, так же как и их единовременная отмена. Перспективным решением является сохранение частичных («блоковых») исключений для отдельных типов РИД и деловых практик в совокупности с поэтапным вводом стандартного режима антимонопольной политики для других случаев и разработкой прозрачных стандартов правоприменения.

Развитие региональной евразийской интеграции обуславливает возникновение новых вызовов в пространственном аспекте антимонопольной политики. Официальное признание ряда рынков трансграничными ведет к их перево-

ду из национальной в наднациональную антимонопольную юрисдикцию, то есть в руки ЕЭК. В то же время эти рынки сохраняют и институциональное наследие предыдущего периода, а национальные антимонопольные службы не всегда готовы поступиться своими полномочиями и могут быть фактически вовлечены в перераспределительный конфликт между государствами и отдельными фирмами разных стран. В этой ситуации приходится задуматься либо о серьезном ограничении сферы наднационального антимонопольного регулирования, либо о серьезном пересмотре институтов на всем пространстве соответствующих трансграничных рынков.

Список литературы

1. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. Гос. ун-т — Высшая школа экономики, 2011. С. 384.
2. Авдашева С. Б., Шаститко А.Е. Конкурентная политика: состав, структура, система//Современная конкуренция. 2010. № 1. С. 5–20.
3. Flexport. 2018. <https://www.flexport.com/services/air-freight>
4. Bauml M., Hausmann L. Air-freight forwarders move forward into a digital future, 2018. <https://www.mckinsey.com/industries/travel-transport-and-logistics/our-insights/air-freight-forwarders-move-forward-into-a-digital-future>
5. Facts & Frequently Asked Questions. Hyperloop One. 2018. <https://hyperloop-one.com/facts-frequently-asked-questions>.
6. Шнакова А.А. Межкорпоративный электронный документооборот в России: барьеры и перспективы развития // Научные исследования экономического факультета. 2017. Т. 9. № 1. С. 19–36.
7. Eyrachi A., Stucke M.E. Virtual Competition. The promise and perils of the algorithm-driven economy. Cambridge. 2016.
8. OECD (2017). Algorithms and Collusion: Competition Policy in the Digital Age, 2017. <http://www.oecd.org/competition/algorithms-collusion-competition-policy-in-the-digital-age.htm>
9. Useem J. How Online Shopping Makes Suckers of Us All [Электронный ресурс]. // Atlantic. 2017, May. <https://www.theatlantic.com>.
10. Конкурент заподозрил «Яндекс.Такси» в слежке за смартфонами пользователей (2017). <https://hitech.vesti.ru/article/684036/>.
11. Шаститко А. Е., Паршина Е.Н. Рынки с двусторонними сетевыми эффектами: спецификация предметной области// Современная конкуренция. 2016. Т. 10. С. 5–18.
12. Shampanier K., Mazar N., Ariely D. Zero as a special price: The true value of free products/ Shampanier K., Mazar N., Ariely D. Marketing Science. 2007. № 26. P. 742–757.
13. Коуз Р. Экономика организации отрасли: Программа исследований// Фирма, рынок и право. М.: Дело, 1993.

14. *Шаститко А.Е.* Экономические эффекты ошибок в правоприменении и правоустановлении. М.: Дело, 2013. С. 148
15. *Joskow P.L.* Transaction Cost Economics, Antitrust Rules and Remedies. *Journal of Law, Economics and Organization*. 2002. № 1. Vol. 18. P. 95–116.
16. *Шаститко А.Е.* Быть или не быть антитрасту в России? // Экономическая политика. 2012. № 3. С. 50–69.
17. *Blair R., Kaserman, D., Romano R.* A pedagogical treatment of bilateral monopoly. *Southern Economic Journal*. 1989. № 55 (4).
18. *Шаститко А. Е., Павлова Н.С.* Переговорная сила и рыночная власть: варианты соотношения и выводы для политики // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 2 (34). С. 9–58.
19. *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация». СПб.: Лениздат, 1996.
20. *Künneke R., Groenewegen J., Menard C.* Aligning modes of organization with technology: Critical transactions in the reform of infrastructure. *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2010. № 75 (3). P. 494–505.
21. *Shastitko A., Menard C., Pavlova N.* The curse of antitrust facing bilateral monopoly: Is regulation hopeless? *Russian Journal of Economics*. 2018. № 4(2). P. 172–196.
22. *Schumpeter J.* Capitalism, socialism & democracy. N. Y.: Harper & Brothers. 1942.
23. *Arrow K.* Economic welfare and the allocation of resources for invention. In: H.M. Groves, ed. The rate & direction of inventive activity: Economic & social factors. NBER. 1962. P. 609–626.
24. *Aghion P. & Griffith R.* Competition and growth: reconciling theory and evidence. MIT Press. 2005.
25. *Delbono F. & Lambertini L.* Innovation and product market concentration: Schumpeter, Arrow and the inverted-U shape curve. *Quaderni — Working Paper DSE*. 2017. № 2006.
26. Лекарствам пропишут Россию. Власти упрощают выдачу принудительных лицензий (2018) // Коммерсантъ. № 159. 04.09.2018. <https://www.kommersant.ru/doc/3731597>.
27. *Barros P. P. & Cabral L.* Merger policy in open economies. *European Economic Review*. 1994. Vol. 38. No. 5. P. 1041–1055.
28. *Elhauge E. & Geradin D.* Global competition law and economics. Bloomsbury Publishing. 2011.
29. *Guzman A. T.* Is international antitrust possible? *New York University Law Review*. 1998. № 73. P. 1501.
30. *Авдашева С. Б., Шаститко А.Е.* Международный антитраст: потребности, ограничения и уроки для Таможенного союза // Вопросы экономики. 2012. № 9. С. 110–125.

Научное издание

Серия «Научные доклады: экономика»

Заказное издание

Шаститко Андрей Евгеньевич
Курдин Александр Александрович
Маркова Ольга Анатольевна
Мелешкина Анна Игоревна
Моросанова Анастасия Андреевна
Павлова Наталья Сергеевна
Шпакова Анастасия Андреевна

Конкуренция и конкурентная политика

На стыке будущего и прошлого

Выпускающий редактор *Е.В. Попова*
Редактор *О.В. Черкасова*
Художник *В.П. Коришунов*
Оригинал-макет *О.З. Элоева*
Верстка *Т.А. Файзуллиной*

Подписано в печать 17.12.18. Формат 60×90/16.

Гарнитура «ПТ Сериф Про». Усл. печ. л. 4,25.

Тираж 500 экз. Заказ № 1521

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82

Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
www.ranepa.ru
delo@ranepa.ru

Отпечатано в типографии РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82